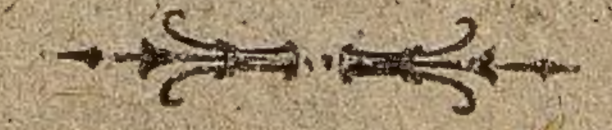
Молоствова Е. В.

Д. членъ Имп. Рус. Геогр. Об-а.

Солдатскія письма.

Весь доходъ съ изданія поступитъ въ пользу воиновъ, потерявшихъ зрѣніе.

1917.

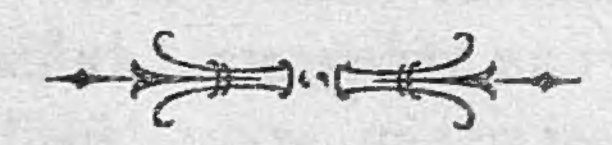
Молоствова Е. В.

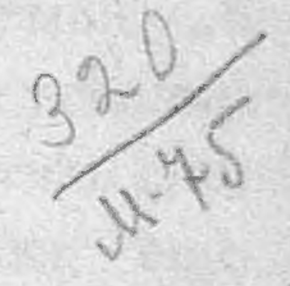
Д. членъ Имп. Рус. Геогр. Об-а.

Солдатскія письма.

Введеніе.—Изъ писемъ съ пути.—Впечатлѣнія похода и первыхъ боевъ.—Зимніе бои.—Жизнь въ окопахъ.—О врагѣ.—Въ разоренной Польшѣ.—Изъ лазарета.—Праздники на позиціи.—Изъ писемъ къ родителямъ.—Къ женѣ.—Къ дѣтямъ.—Къ роднымъ и друзьямъ.—Весна на фронтѣ.—Лѣтніе бои.—Изъ писемъ съ Кавказа.—Изъ Сибири.—Письма изъ плѣна.

Весь доходъ съ изданія поступитъ въ пользу воиновъ, потерявшихъ зрѣніе.

1917.

КАЗАНЬ.
Лито-Типографія „Умидъ“, б. Харитонова.
1917.

Солдатскія письма.

ВВЕДЕНІЕ.

Мы ѣхали раннимъ, зимнимъ утромъ широкой улицей богатаго приволжскаго села.

— Что за народъ у волостного правленія?

— Почту ждутъ,—отвѣтилъ ямщикъ.

Поровнялись съ толпой: бабы, въ крытыхъ шубахъ, повязанныя теплыми шалями, ребятишки въ большихъ валенкахъ и отцовскихъ шапкахъ, два-три старика... Стоятъ терпѣливо и молча, безучастно провожаютъ насъ глазами.

Подстегнувъ гусевую и проѣхавъ околицу, ямщикъ обернулся:—Приходятъ—еще темно,—замѣтилъ онъ,—все разборки дожидаются. Страсть много пишутъ въ эту войну. Бывало, въ цѣлый годъ не возили столько, сколько нынче въ одну почту. Нетерпѣливый сталъ народъ.

Ему вспомнилось, вѣроятно, то время, когда ушедшій на войну солдатъ „пропадалъ" для своей семьи „безъ вѣсти" на долгіе годы, и женѣ оставалось одно утѣшеніе—ходить къ „ворожейкѣ", смотрѣть на гущу и платить своими холстами за слабый лучъ надежды, что мужъ еще не убитъ и скоро возвратится домой.

Въ Японскую войну связи арміи съ деревней также почти не было. Письма шли долго, терялись, вызывали расходы. Послѣ войны ихъ не хранили, не собирали. Что думалъ народъ о совершавшихся событіяхъ? И сами „сѣ-

рые герои"—какъ относились они къ своимъ подвигамъ и страданіямъ? Мы этого не знаемъ: внутренній ихъ міръ остался для насъ нераскрытымъ.

О солдатскихъ письмахъ часто приходится слышать, что они однообразны и неинтересны: перечень родственныхъ поклоновъ, краткія извѣщенія о здоровьѣ. Но такой взглядъ ошибоченъ. Народъ, несмотря на свою малограмотность, пишетъ красиво и содержательно, точнымъ и образнымъ языкомъ, лишеннымъ вычурностей литературнаго „стиля", находящаго себѣ подражателей только въ лицѣ писарей, фельдшеровъ и прочей военной „интеллигенціи". Малограмотный солдатъ рѣдко отступаетъ отъ принятой деревней формы, но не вслѣдствіе неумѣнія выражать свои мысли, а только потому, что подчиняется обычаю, еще сохранившему въ его средѣ живой духъ и смыслъ. Начинать письмо съ передачи собственныхъ переживаній и постороннихъ событій было бы проявленіемъ непочтенія къ старшимъ и невниманія къ остальнымъ членамъ семьи. Оно вызвало бы порицаніе, подобное тому, какое въ свѣтской гостиной заслужилъ бы человѣкъ, начинающій разговоръ прежде, чѣмъ поздороваться съ присутствующими. Въ обоихъ случаяхъ—требованіе вѣжливости, но въ народѣ это требованіе—болѣе глубокаго, внутренняго свойства: въ немъ кроется сущность сложныхъ родственныхъ отношеній съ тонкими и разнообразными оттѣнками, трудно доступными стороннему наблюдателю.

Сосредоточенно и напряженно слушаетъ вся семья чтеніе только-что полученнаго письма:

„Дорогимъ и многоуважаемымъ моимъ родителямъ тятенькѣ Петру Васильевичу и мамынькѣ Акулинѣ Ивановнѣ посылаю я свое глубочайшее сыновнее почтеніе и низкій поклонъ отъ бѣла лица и до сырой земли. И

покорнѣйше прошу, дорогіе родители, я Вашего родительскаго благословенія, которое можетъ существовать нерушимо по гробъ моей жизни. И желаю я Вамъ добраго здоровья и хорошаго успѣха во всѣхъ дѣлахъ рукъ Вашихъ. И еще кланяюсь любезной супругѣ моей Авдотьѣ Семеновнѣ низкимъ поклономъ отъ бѣла лица и до сырой земли и желаю Вамъ, дорогая моя супруга, добраго здоровья и счастливаго успѣха во всѣхъ дѣлахъ рукъ Вашихъ. И еще кланяюсь моимъ малымъ дѣткамъ сыночку Васѣ и дочкѣ Настенькѣ, и посылаю я Вамъ, дорогія мои дѣтки, свое родительское благословеніе, которое можетъ существовать по гробъ Вашей жизни". Слѣдуютъ поклоны и пожеланія остальнымъ членамъ семьи, „всѣмъ на имя", а также наиболѣе близкимъ друзьямъ, и въ заключеніе „всѣмъ вообще роднымъ и знакомымъ". Бабы, растроганныя, утираютъ слезы, и чтеніе продолжается: „И еще увѣдомляю Васъ о себѣ, что въ настоящее время я нахожусь живъ и здоровъ, чего и Вамъ отъ души желаю".

Даже если нѣтъ дальнѣйшихъ подробностей, слушатели вполнѣ удовлетворены. Узнали самое главное—живъ, здоровъ, никого не позабылъ, всѣмъ прописалъ поклонъ. Письмо несутъ сосѣдямъ, оно переходитъ изъ кармана въ карманъ, изъ избы въ избу, и возвращается, захватанное, смятое, въ масляныхъ пятнахъ, съ запахомъ овчины и дегтя. Старикъ бережно кладетъ его къ образамъ, чтобы дѣти не разорвали на игрушки и не потерялся адресъ для отвѣта. По полученіи слѣдующаго письма, старое—рѣдко сохраняется, и еще рѣже перечитывается. Можно съ увѣренностью сказать, что, черезъ годъ послѣ окончанія войны, памятки, написанныя о ней солдатами, совершенно исчезнутъ изъ нашихъ глухихъ деревень, и утратятся драгоцѣнные человѣческіе документы, подлинное слово народа о пережитой имъ великой военной страдѣ.

Письма русскаго солдата безъискусственны и скромны, въ нихъ совершенно отсутствуютъ громкія выраженія показныхъ чувствъ, но ярко и правдиво отражается горячая любовь народа къ родной землѣ и его душа, религіозная и терпѣливая, полная смиренія и покорности передъ ниспосланными судьбою испытаніями. Это не слабость духа. Это особенное, внутреннее отношеніе къ жизни, раскрывающее невидимыя, высшія причины явленій. Каждый солдатъ знаетъ, что войну вызвалъ императоръ германскій Вильгельмъ, но почему Богъ допустилъ совершиться такому злодѣянію?—„За наши тяжкіе грѣхи наказуетъ насъ Господь“,—пишетъ солдатъ,—„за то, что забыли думать о Богѣ... Но Онъ же, Милосердный, даетъ и терпѣніе и сохранитъ жизнь, если на то будетъ Его Святая Воля“.

Русскій народъ умѣетъ умирать спокойно и благообразно, но его глубокое смиреніе передъ неизбѣжнымъ не есть равнодушіе къ жизни.—„Часъ или одна минута, что остался живъ, то и славить Бога“, пишетъ солдатъ, находящійся подъ дождемъ снарядовъ.—„Охъ, тятя и мама, и самому не хочется умирать, и васъ жалко“.

Чувство жалости къ семьѣ, особенно къ малымъ дѣтямъ, звучитъ во многихъ письмахъ. Солдатъ проситъ молиться о сохраненіи его жизни, надѣясь, что Царица Небесная заступится за него не потому, что онъ, недостойный, заслужилъ это заступничество, но ради его сиротъ и безпомощныхъ стариковъ-родителей.—„А то можно бы и помереть... пишетъ онъ,—двумъ смертямъ не бывать, а одной все равно не минуешь... Смерть жду каждую минуту... Смерть для насъ находится очень близко, завсегда визжитъ около ушей“...

Онъ совершенно готовъ къ принятію ея: передъ уходомъ на войну получилъ благословеніе отца, со всей

семьей простился словами примиренія:—„Простите меня, Христа ради, можетъ, послѣднее свиданье, всѣ простите, молитесь Богу за меня, за грѣшнаго. Братья, сестры и сродники, всѣ простите меня, Христа ради... Видно, придется пострадать“...

Впереди невѣдомый путь искупленія, но освѣщается этотъ путь сознаніемъ, что жизнь будетъ отдана не напрасно.—„Я то́ придумалъ,—пишетъ молодой солдатъ сестрѣ,—ежели меня убьютъ, то, може, братъ останется для прокорму родителямъ, и не сколь я, сестрица, этого не боюсь, навѣрно тамъ помереть лучше будетъ, потому что за вѣру, царя и отечество“.

Такъ же просто и искренно передаетъ солдатъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ боевъ. Онъ не хвастается безстрашіемъ и не украшаетъ своими измышленіями ужасовъ современной войны.—„Отведи Богъ кажняго отъ нея“... говоритъ онъ, правдиво описывая „адъ“, когда стонутъ и земля, и люди, когда пули летятъ въ лицо, какъ рой пчелъ, а крупные снаряды раскатываются неумолчнымъ громомъ, наводящимъ трепетъ и, падая, выворачиваютъ саженныя воронки, „перемѣшивая съ пескомъ“ все, къ чему прикасаются. Всѣ тяготы войны отражаютъ солдатскія письма—утомительные, спѣшные походы подъ проливнымъ дождемъ, по непролазной грязи, страшныя штыковыя атаки, опасныя развѣдки, ночи, проведенныя на передовыхъ постахъ въ трескучій морозъ и захватывающую дыханіе вьюгу, жизнь въ темныхъ, сырыхъ окопахъ, подъ постояннымъ обстрѣломъ непріятеля, нечистоту, невозможность во-время ѣсть и спать, нервное напряженіе, вызванное близостью смерти,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени присущую русскому солдату способность приспособляться ко всякимъ, самымъ тяжелымъ, условіямъ жизни, его необыкновенную, совер-

шенно исключительную выносливость, стойкость и бодрость духа, позволяющую быстро забывать перенесенныя невзгоды, радуясь тому, что онѣ миновали.

— „Были по три дня и голодны, и холодны,—пишетъ солдатъ,—ну, а теперь—слава Богу“.—„Господь, по Своей милости къ намъ, грѣшнымъ, посылаетъ и даетъ намъ здоровье и терпѣніе, какъ ни трудно быть въ бою, но все равно, что нѣтъ нешто, какъ вылѣзешь на крутую гору, устанешь, заморишься, но отдохнешь, позабудешь“...—„Слава Богу, теперь не такъ страшно—прислушались, привыкли“,..—Тяжело, но ничего не подѣлаешь, нужно терпѣть“... Мужество безропотно переносить страданія, стараясь никого ими не безпокоить, проявляется у солдата въ особенности тогда, когда онъ раненъ. Если на досугѣ, находясь въ лазаретѣ, онъ и описываетъ,—большею частью по просьбѣ родныхъ,—при какихъ обстоятельствахъ былъ раненъ и что пришлось пережить, то неизмѣнно прибавляетъ имъ въ успокоеніе, что, хотя и было трудно, но теперь, слава Богу, ему вполнѣ хорошо, и пища хороша, и коечки чистыя, и сестры милосердныя обходятся тихо и ухаживаютъ какъ нельзя лучше, и врачъ лечитъ старательно и обѣщаетъ выздоровленіе.

Раненый солдатъ не ждетъ, чтобы его утѣшали, а, забывая личное горе, самъ пишетъ слова утѣшенія встревоженной семьѣ. Нельзя безъ глубокаго волненія читать письмо калѣки-солдата къ старукѣ матери:

— „Вы, мама, не плачьте, не только я одинъ лежу, есть еще хуже меня, лежатъ безъ обѣихъ ногъ и то ничего, а у меня только одной нѣтъ, а какъ выздоровлю, то будетъ ничего, какъ Богъ дастъ“...

Въ этихъ простыхъ словахъ сказывается величіе истиннаго смиренія и несокрушимая крѣпость души русскаго народа.

Не покидаетъ его на войнѣ и присущее ему чувство жалости къ слабымъ и обиженнымъ. Солдатъ—пахарь всѣмъ своимъ существомъ связанъ съ родной землей, но ни заботы о семьѣ, ни думы объ оставленномъ хозяйствѣ не мѣшаютъ ему, въ то же время, относиться съ искреннимъ участьемъ къ окружающимъ его чужимъ людямъ, къ несчастнымъ жителямъ истерзанной, разоренной Польши.

— „Мы бы рады пожертвовать собой,—пишетъ солдатъ отцу,—только бы выгнать его (нѣмца) съ нашей земли, а то время подходитъ сѣять хлѣбъ, даже жутко смотрѣть на здѣшнихъ жителей, у нихъ нѣтъ ничего, они только и живутъ нами, солдатами, возьмутъ отъ насъ кусокъ хлѣба и мяса, только этимъ и пробавляются".

Тяжелыя условія жизни не ожесточили сердца солдата,—наоборотъ, какъ бы очистили его и возвысили. Идя на великій подвигъ защиты родины, онъ вѣритъ твердо, что все отъ Бога—страданія, успѣхи, неудачи, а ему слѣдуетъ только „поддарживать" себя и окружающихъ, т. е. исполнять свой долгъ покорно и „безо всякой измѣны", полагаясь на помощь Того, Кто, Справедливый и Благой, не можетъ допустить никакой неправды. Въ этой вѣрѣ—громадная сила русскаго народа, сохранившая его черезъ всѣ испытанія, ниспосланныя ему на протяженіи его многострадальной исторіи. Эта же вѣра сохранитъ его и теперь, и дастъ не только славу его оружію, но и обновленіе его душѣ, помнящей о Богѣ передъ лицомъ врага; о томъ, что безъ Его Святой Воли не единый волосъ не упадетъ съ головы человѣка.

Собирайте солдатскія письма. Въ нихъ—и мракъ, и свѣтъ нынѣшней безпримѣрной войны. Но взойдетъ солнце, и свѣтъ разсѣетъ мракъ...

Думаю, что помѣщаемыя ниже выдержки изъ солдатскихъ писемъ, несмотря на ихъ отрывочность, не нуждаются въ обобщеніи. Они цѣнны, какъ отдѣльные мазки, дающіе въ своей сложности яркую картину, образъ самого художника—русскаго народа.

Е. Молоствова.

ИЗЪ ПИСЕМЪ СЪ ПУТИ.

Во-первыхъ строкахъ моего письма кланяюсь матушкѣ хрестной Аннѣ Андреевнѣ и дядѣ Григорію Васильевичу по низкому поклону до сырой земли и прошу, матушка хрестна, ваше хрестинское благословеніе на мою военную службу и на смерть вѣрную, и прошу васъ, простите меня. Выѣзжаемъ на войну.

Дорогіе родители, настоящимъ увѣдомляю васъ, что я въ настоящее время мобилизованъ на войну, назначенъ въ кавалерію. Дорогіе мои родители, братцы и сестра, простите меня, если имѣете какое либо сердце, такъ какъ, можетъ быть, болѣ не увидимся въ жизни. Далѣе писать нечего, остаюсь живъ и здоровъ, того и вамъ желаю отъ Господа Бога добраго здоровья.

Ну, тятя и мама, прощайте, уѣзжаемъ на войну, прощай, братецъ Ларя. Одежу, можетъ, я пришлю домой. Очень сильна война поднимается. Навѣрно, мы поѣдемъ на границу Австріи. Пришла телеграмма ѣхать намъ. Милый мой тятя и мила мама и братецъ Ларя, прощайте. Шлите скорѣе мнѣ письмо.

Прощальное письмо на родину. Прошу васъ, тятенька Иванъ Петровичъ и маменька Марфа Никитишна и дорогая супруга Василиса Федоровна и милый сынокъ Паня, прошу васъ, читайте при всѣхъ съ вниманіемъ. Больше обо мнѣ не тужите и не плачьте, только молитесь Богу за мои тяжкіе и огромные грѣхи, и чтобы Господь послалъ крѣпость моего духа и хранилъ бы меня во всякомъ нападеніи врага отъ вражеской пули, меча, картечи, снаряда и шрапнели, и чтобы Богъ послалъ намъ побѣдить врага и защитить отъ лютаго врага васъ, отечество, царя

и родину. Будемъ биться до послѣдней капли крови и безо всякой измѣны, какъ говорится во Св. Писаніи—„да благъ тотъ воинъ, который не нарушитъ присяги, которая дается нами, каждымъ солдатомъ“. Дорогіе мои родители, тятенька и маменька, и дорогой братецъ Ларя, и прошу васъ, всѣхъ сродничковъ, прошу, умоляю со слезами, пожалуйста, не обижай моего дитя, сиротку, и мою несчастную супругу Василису Федоровну, случаемъ я буду убитъ на полѣ брани за родину, царя и отечество и васъ, православныхъ христіанъ, и всѣхъ насъ нарядили какъ будто къ какому празднику. Провожали насъ со славой и съ честью, какой бы ни былъ крѣпкій или вовсе каменный человѣкъ, и тотъ бы заплакалъ.

Впечатлѣнія похода и первыхъ боевъ.

Пріѣхали прямо на позицію. Снаряды рвутся, видно, и мы скоро пойдемъ въ бой. Дуня, молитесь Богу, чтобы остаться живому.

Покамѣстъ живъ, здоровъ, слава Богу. Я сейчасъ нахожусь на полѣ сраженія, у насъ сейчасъ идетъ битва съ Германіей, и мы здѣсь въ самомъ бою, и Господь Богъ благословилъ меня побывать въ бою, былъ я въ бою и, слава Богу, остался живъ, не знаю, что будетъ дальше, съ часу на часъ ожидаю себѣ смерти, по трое сутокъ приходится лошадей не разсѣдлывать. Прошу васъ, батюшка, заочно благословите меня и простите меня, я больше съ вами не увижусь.

Въ настоящее время нахожусь и самъ не знаю гдѣ, гдѣ-то въ чистомъ полѣ, въ нѣмецкой землѣ. Мы уже прошли сто верстъ въ нѣмецкое царство и пока все хорошо идетъ, слава Богу, пока живъ—здоровъ, не знаю, что будетъ дальше со мной, Богъ знаетъ. Прошу васъ, папаша, пишите мнѣ отвѣтъ поскорѣй.

Милый мой тятя и милая мама, пишу я вамъ про свою страсть, былъ я 4 раза въ бою и очень сильный, и какъ меня Царица Небесная спасла, и очень много у насъ убило. Охъ, тятя

и мама, ну, думаю, я пропалъ, а всетаки Богъ сохранилъ. Война идетъ сильна. Охъ, не знаю, что Господь сдѣлаетъ, очень болитъ у меня сердце, и самому-то не хочется умирать, и жалко васъ. Охъ, сколько я труда принялъ, и ноженьки мои не ходили, а теперь, слава Богу, опять отдохнулъ. Покамѣстъ, слава Богу, нонче живъ, а завтра, какъ Богъ приведетъ. Жизнь наша теперь такая—нонче живъ, слава Богу. Можетъ быть, въ послѣдній разъ съ вами говорю. Ну, писать—все не перепишешь, очень много я произошелъ и Господь сохранилъ. Пріѣду домой и разскажу вамъ все. Може, Царица Небесная приведетъ повидаться съ вами. Прощайте. Пишите мнѣ письмо. Прощай, тятя и мама.

Находимся мы пока отъ позиціи далеко, но къ смерти близко. Бомба, брошенная съ непріятельскаго дирижабля, убила на форту двухъ и трехъ ранила. Однако, не всѣмъ германскимъ аэропланамъ удается вернуться отъ насъ обратно, нѣкоторыхъ и даже многихъ изъ нихъ мѣткія русскія пули ловко снимаютъ сверху. Подбитый казаками непріятельскій аэропланъ пришлось мнѣ видѣть въ крѣпости. Хотя тяжка и опасна наша настоящая служба, но понимая и сознавая важной ту пользу, какую приносимъ мы отечеству, я не буду тяготиться всѣми тѣми нуждами, которыя выпадаютъ на долю солдата.

Съ 10-го по 25-ое августа происходитъ неумолкаемый бой, начнется темно и кончится темно, замолкаетъ только на три часа ночи и бываетъ такъ, что и всю ночь. 22-го находились въ большой опасности, но Господь уберегъ.

Ходимъ все время походами, непріятель сдается, уходитъ.

Мы были два раза въ бою. Первый разъ 23 августа и такъ что чуть-чуть убрались, только одинъ легко раненъ, второй контуженъ въ ногу и черезъ одного переѣхали орудіями. И только мы отъѣхали, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, ударился цѣлый снарядъ и разорвался. 25-го мы стрѣляли хорошо и побили много, а въ насъ ни одинъ снарядъ не прилетѣлъ. Дѣла у насъ идутъ хорошо, слава Богу. 1-го сентября переѣхали границу и

прошли болѣе ста верстъ. Теперь мы находимся въ лезервѣ, впереди насъ бой верстъ на пять, а мы ѣдемъ сзади.

1-го сентября перешли границу, а до 1-го дрались въ нашей мѣстности, разбили всю его армію, много отняли обозовъ съ провіантомъ, разными снарядами, такъ что онъ бѣжалъ безъ оглядки изъ предѣловъ Россіи. Ну, намъ Богъ его знаетъ, какъ придется, проникаемъ и мы далеко, болѣе 50-ти верстъ, неприятель сталъ встрѣчаться двоякій, австрійцы и германцы пополамъ. Время стало плохо, пошли дожди, вѣтра, ночи холодныя.

Вотъ ужъ пошелъ второй мѣсяцъ, какъ мы находимся въ бою, но покудова Господь пасетъ, остаюсь живъ и здоровъ. Бываетъ время, что часъ или одна минута, что остался живъ, то и славить Бога. Дни здѣсь какіе идутъ, не знаемъ, вздумаешь писать письмо, то обязательно спрашиваешь, какое число. Я уже не чаюсь, что будетъ съ вами свиданье. Я знаю, что за грѣхи мнѣ пришлось пить эту чашу. Я раньше не зналъ, что такое война, но теперь все я узналъ.

Я пишу про войну. Мы были три раза въ бою, остались живы, только пять человѣкъ нашихъ ранило, а непріятеля около двухъ сотъ. Помолитесь обо мнѣ Господу Богу, чтобы онъ меня спасъ въ военномъ дѣлѣ. Но не знай, какъ остался живъ, былъ въ рукахъ у противника, пули летѣли, какъ пчелы, но Богъ спасъ, не знаю, какъ я остался живъ, всѣ говорили, что померъ, но конь мой очень ужъ храбрый и меня выручилъ изъ бѣды.

А нѣмцевъ теперь колотятъ по дѣлу, бѣгутъ безъ оглядки, не успѣваютъ убирать пятки.

ЗИМНІЕ БОИ.

Мы участвовали въ Варшавскихъ бояхъ, которые продолжались день и ночь непрерывно. Отъ батарейныхъ выстрѣловъ

тряслась земля, вылетали стекла изъ оконъ, трещали пулеметы и залпы и трескотня отъ выстрѣловъ—все это напоминало какой-то адъ. На 9-ыя сутки нѣмцы и австрійцы стали отступать. Наша армія ихъ преслѣдуетъ до границы. Что случится дальше—знаетъ одинъ Богъ.

Я получилъ крестъ Георгіевскій за храбрость. 3-го числа загорѣлся отъ непріятельскихъ снарядовъ ящикъ, и вотъ мы двое кинулись тушить, и вотъ мы за него получили.

Все время мы находились около крѣпости Иванъ-Городъ. 27-го сентября нѣмцы стали наступать на крѣпость, стали слышны выстрѣлы, мы были отъ крѣпости 40 верстъ внизъ по рѣкѣ Вислѣ. Въ тотъ же день мы пошли туда. Днемъ сидѣли въ деревняхъ, а ночью переходили. Время было сырое, каждый день лилъ дождь безпрерывный, дорогами ходить было нельзя, ногу вытащишь, а сапогъ остается въ грязи. 29-го дошли до крѣпости, отдохнули, а ночью перешли рѣку Вислу. Итти намъ было только 7 верстъ, валами, по рѣкѣ Вислѣ. Шли мы всю ночь. Двое упали съ вала въ рѣку, одинъ потонулъ, было темно, лилъ страшный дождь, пулеметы и пушки много вывозили солдаты. Въ это время нѣмцы насъ освѣтили прожекторомъ, начали стрѣлять изъ орудіевъ, ну, неудачно, потерь не было. 1-го мы стали наступать разсыпной цѣпью, пошли впередъ, насъ осыпали шрапнелями весь день. Когда стало темно, тогда затихло. На второй день мы дошли до нѣмцевъ близко, къ вечеру выбили ихъ изъ окоповъ и заняли деревню К. Домовъ не было, только стоялъ одинъ костелъ каменный, деревня вся сгорѣла отъ снарядовъ, мы окопались около костела. 3-го, на третій день Покрова, насъ такъ встрѣтили, нельзя было высунуть головы, рвались снаряды каждую секунду надъ нами, мѣсто было чистое и высокое. Послѣ полденъ разбили всѣ наши окопы шести-дюймовыми снарядами, каждый снарядъ улетаетъ въ землю около 7 четвертей, тогда взрывается, ширина 4 аршина. Если попадетъ въ окопъ, тогда также летятъ и солдаты вверхъ вмѣстѣ съ землей, образуется столбъ взрыва, какъ мельница. Въ это время каждый человѣкъ впадаетъ въ ужасъ, земля трясется отъ взрыва, дымъ, чадъ стелется на землѣ.

Мы стали переходить на то мѣсто, гдѣ не рвались снаряды, тогда начали стрѣлять изъ пулеметовъ и ружей. Въ это время меня ранило. Пролетѣла пуля въ указательный палецъ правой руки, перешибла кость второго сустава, около первой щиколки. Бой продолжался 10 денъ, много было и по ночамъ боевъ. Нѣмцы не дошли до Варшавы только 8 верстъ, до Иванъ-Города не дошли 3 версты, тогда начался бой. Я самъ видѣлъ убитыхъ нѣмцевъ въ такомъ разстояніи. Денегъ мнѣ не надо. Я живу въ хорошемъ довольствіи. Палецъ подживаетъ плохо, сейчасъ все еще сквозная дыра. Сгибаться навѣрно не станетъ. Перечислятъ въ слабосильную команду.

Застучало наше поле 6-го ноября. Въ бою убило товарища Гаврилу. Здѣсь тепло. Снѣгъ нападаетъ и обратно стаетъ. Бой сильно идетъ.

Были на отдыхѣ и опять пришли подъ грохотъ пушекъ и свистанье пуль, но уже не такъ страшно, прислушались. Милая Катя, ты помнишь, какъ я пріѣхалъ изъ Т., былъ сильный громъ, когда ушли въ избу и молились Богу. Вотъ теперь 6 мѣсяцевъ такой страшный громъ идетъ день и ночь безпрестанно, и это не война, а свѣтопредставленіе, грохочутъ тысячи орудій все время.

Въ скоромъ времени предстоитъ намъ великое дѣло, хотятъ перейти въ наступленіе, какъ намъ удастся—Божья воля. Они тоже здорово укрѣпились, безъ потерь людей не обойтись. Особенно нужно перейти черезъ рѣчку, которая много воспрепятствуетъ для перехода какъ намъ, такъ и имъ. Благодаря этой рѣчкѣ, до сихъ поръ держались, рѣчка не замерзши, протечная, отъ рѣчки ихніе окопы недалеко. Если неудачно выйдетъ, останемся тамъ, сложимъ свои головы.

Еще до сихъ поръ не выхожу изъ боевъ. Навѣрно, придется едва-ли увидѣться съ вами, какъ бы не положить голову здѣсь. Покамѣстъ еще Господь терпитъ грѣхамъ. Конечно, вамъ пуля и штыкъ страшны, а мнѣ нисколько не страшенъ штыкъ, какъ

вамъ лопата снѣгъ грести, такъ мнѣ и нѣмецкій штыкъ, удалому и смерть не страшна, въ особенности мнѣ, георгіевскому кавалеру, совѣстно бояться страху. Стоимъ па позиціи не очень далеко отъ германцевъ, какъ отъ вашего дома и до церковной ограды—вотъ и разстоянія у насъ между ими.

Дорогой тятенька, жизнь моя очень трудная, три раза былъ въ бою, одинъ разъ былъ въ штыкахъ, остался живъ, слава Богу. Приходится ходить по лѣсамъ, по горамъ, по водамъ, озера большія приходится переходить. Такъ приходится переходить—по шейку намочишься, и одежа замерзнетъ на себѣ и всѣ четверо сутокъ шли и шли, на ходу и спали, остались которые безъ ногъ. Вотъ какіе бываютъ бои, земля вся стонетъ, а эти пули, какъ сильный градъ. Затѣмъ до свиданья, пишите мнѣ письма почаще, а мнѣ самому писать неколи.

До сего времени находимся на позиціи, самые тяжелые дни пришли къ намъ, но Господь намъ помогаетъ, и мы все спокойно переносимъ. Погода у насъ въ Польшѣ непостоянная, то снѣгъ, то дождь, то морозъ, а что наканунѣ Рождества Христова такой былъ сильный буранъ, просто зги не видно, и въ эту погоду намъ приказали переѣхать въ другое мѣсто на разстояніе 40 верстъ. Какъ было ѣхать, надо подумать, но Господь помогъ намъ, хотя проѣхали всю ночь, а всетаки доѣхали благополучно.

Сѣли мы на машину, ѣдемъ неизвѣстно куда. Дѣла нашихъ войскъ идутъ очень спѣшно, непріятеля прогнали изъ Польши, все слава Богу. Молитесь Богу, чтобы намъ одержать побѣду надъ всѣми врагами. Во всякомъ случаѣ, мы надѣемся во всякое время побѣдить нашего противника.

Вы спрашиваете, за что я получилъ свою награду и сколько насъ получило. Но я писать про это не хочу, но когда меня убьютъ, то мой крестъ пришлютъ вамъ, а если я останусь живъ, то приду домой и про все вамъ разскажу, а сейчасъ не стоитъ вамъ про все разсказывать.

Когда идетъ бой и наступаешь на непріятеля, то уже пуль не слышишь, какъ бьетъ изъ орудія, снаряды летятъ, какъ громъ гремитъ, и только земля кверху летитъ саженъ 10, а ты брякнешься гдѣ попало,—вода, грязь и не дышишь, а они—то впереди, то позади, то въ сторонѣ ударяютъ, а потомъ бой, вся земля дрожитъ, снаряды рвутся и въ землѣ, и наверху, вездѣ, такъ что этотъ ужасъ нельзя даже и описать, потому что въ то время каждый человѣкъ самъ не свой, онъ не помнитъ, что дѣлаетъ.

Въ субботу на масляной недѣлѣ день былъ неудаченъ для насъ, нѣмцы наступали, нашего войска было мало, поэтому наши отступили. Мы, какъ парковые, отъѣхали немного назадъ, только что выпрягли лошадей, и вдругъ казакъ скачетъ карьеромъ съ приказаньемъ „парковые и обозные, скорѣе по конямъ и утекайте"! Только что мы убрались, въ этотъ моментъ нѣмцы заняли эту деревню. Чуть не попали въ руки окаянному нѣмцу, но Господь не допустилъ насъ. Въ ночь подошли наши войска и отомстили нѣмцамъ, здорово поколотили и забрали въ плѣнъ. Двѣ ночи были туманы, удобно для насъ итти въ атаку.

Затѣмъ еще ждемъ на дняхъ наступленія. Когда я иду въ атаку, въ штыковой бой, я себя уже не сколь не чувствую, только одно, что Господь сдѣлаетъ на моемъ великомъ согрѣшеніи.

Прописую вамъ большую радость для всѣхъ насъ. Наши доблестныя войска у австрійца забрали городъ и крѣпость Перемышль.

На нашемъ фрунтѣ никакихъ новостей нѣтъ, ну, а въ Австріи наши войска 9-го марта въ 9 часовъ утра взяли крѣпость Перемышль и забрали въ плѣнъ 9 генераловъ и 17 штабъ-офицерскихъ чиновъ и 90 оберъ-офицерскихъ и 117 тысячъ нижнихъ чиновъ, а убитыхъ неизвѣстно и нашихъ неизвѣстно, и служили мы о нашихъ храбрыхъ герояхъ молебенъ и кричали ура и ура!

Многоуважаемая моя супруга Дуня, не выдержалъ я такой радости и хочу вамъ сообщить, взяли австрійскую главную крѣпость. По такимъ успѣхамъ наши офицера говорятъ, это все ближе къ миру.

Австрійскій городъ столичный Перемышль взяли наши герои, это очень хорошо, что Всемогущій Господь помогаетъ нашимъ героямъ и нашей арміи. Да поможетъ въ скоромъ времени заключить и миръ, но надо ждать той участи, которая была бы въ пользу нашимъ доблестнымъ войскамъ и въ пользу нашей матушкѣ Россіи.

Письмо на родину отъ извѣстнаго вамъ сына Дмитрія. Черкнулъ я разъ, полились слезы изъ глазъ, черкнулъ другой разъ, полились рѣкой слезы изъ глазъ. Кланяюсь я тятенькѣ Фролу Лаврентьевичу. Я нахожусь на горахъ Карпатахъ, защищаю родину и отечество. Ночуемъ на снѣгу и тутъ же днюемъ, и мокрые, и холодные. Горы очень высокіяни, итти на нихъ, ни ѣхать нельзя, а мы лѣземъ на нихъ очень великимъ трудомъ. Покуда я остаюсь живъ и здоровъ и вамъ того желаю. Адресъ мой— Карпатскія горы, Б—скій полкъ, рота 7-ая.

Нахожусь на позиціи въ Карпатскихъ горахъ. Горы чудныя лѣсистыя и высокія, вышиною будутъ саженъ сто, а нѣкоторыя выше, даже задѣваютъ облака, а наверху ихъ лежитъ снѣгъ, а въ долинахъ живутъ жители, и жители говорятъ, что впереди насъ будетъ только одна деревня, а тамъ не будетъ никакого поселенія до Венгріи, и горы будутъ еще выше. Мы отъ непріятеля находимся въ разстояніи 200 шаговъ.

Еще извините, что я плохо написалъ, писать некогда и негдѣ, писалъ въ лѣсу на колѣняхъ. Находимся среди лѣсовъ и горъ крутущихъ и подъ открытымъ небомъ и очень много здѣсь снѣгу и очень холодно. Я былъ въ бою двое сутокъ, ну, такъ Господь сохранилъ меня, слава Богу. Еще ждемъ тоже бой, можетъ, Господь тоже похранитъ.

Я получилъ Георгія за такой подвигъ. Я выбрался изъ батальона охотникомъ найти нѣмецкій наблюдательный пунктъ, и я ходилъ и ползалъ, гдѣ какъ приходилось, и всетаки я розыскалъ наблюдателевъ изъ трехъ человѣкъ. Всетаки я къ нимъ подкрался очень аккуратно, какъ наступила темная ночь, я къ нимъ подползъ шагахъ въ 15-ти и аккуратномъ видѣ открылъ по нимъ огонь и ихъ двухъ убилъ на смерть, а третьяго ранилъ тоже тяжело. Это дѣло было,—тамъ очень горы. Неподорожилъ своею головой. Полторы сутки стрѣлялъ наблюдательный нѣмецкій артиллерійскій пунктъ. Говорятъ, что нѣмецъ хитрый, но русскаго солдата перехитрить трудно. Намедни какой-то пустилъ по рѣкѣ Пилицѣ дымъ очень густой и подошелъ близко къ нашимъ окопамъ и броситься хотѣлъ въ атаку, и въ скоромъ времени замѣтили его и отбили его контръ-атакой и отбросили за рѣку Пилицу.

Наша жизнь вотъ какая. Каждый день тысячи смертей кружатся надъ нашими головами, но судьба нами руководитъ, кому быть убитому, кому быть раненому, а кому остаться живымъ. Война скоро не кончится. Очень большіе у противника запасы снарядовъ, прямо валитъ снаряды почемъ ни попало, начнетъ крыть,—земля вся дрожитъ отъ разрывовъ снарядовъ. Мы въ него не стрѣляемъ, а только онъ въ насъ. Наши пока не хотятъ наступать, потому и не стрѣляютъ, а онъ стрѣляетъ, а сбить все равно не можетъ. До весны доживемъ.

Изъ вашего села со мной былъ младшій унтеръ-офицеръ Сергѣй Ф., мы были въ одномъ взводѣ, пили и ѣли съ нимъ вмѣстѣ, онъ попалъ въ плѣнъ 29 января. Я тоже былъ въ плѣну, ружье положилъ на землю, и руки поднялъ кверху. Германцы подошли на пять саженъ отъ насъ, окружили незамѣтнымъ образомъ часовъ въ 7 вечера. Когда германцы подошли, ихъ офицеръ кричитъ—ребята, лучше не стрѣляйте, а то всѣхъ перебьемъ! А Сергѣй и б—скій старшій унтеръ-офицеръ кричатъ—давайте, будемъ стрѣлять! Насъ былъ одинъ взводъ, а германцевъ цѣлая рота. Я убѣжалъ такимъ случаемъ: когда кричали—давайте будемъ стрѣлять, б—скій старшій унтеръ-офицеръ взялъ ружье на изго-

товку и защелкалъ затворомъ. Германцы остановились и стали что-то по своему говорить. Я въ это время выхватилъ винтовку и айда бѣжать. Недалеко были кусты, я за кусты. Побѣжали было за мной, но я успѣлъ спрятаться. Саженъ 30 побѣжалъ, да больше не могу бѣжать, не бѣгутъ мои ноженьки да шабашъ. Иду шажкомъ да поглядываю, не бѣгутъ-ли германцы. Такъ вотъ и убѣжалъ. А Сергѣя мнѣ очень жалко, онъ очень человѣкъ смирный.

ЖИЗНЬ ВЪ ОКОПАХЪ.

Мы находимся въ окопахъ уже три недѣли послѣ боевъ. И пишу въ окопѣ и лежа. Ну, сейчасъ не деремся, только маленькая перестрѣлка и орудійные снаряды каждый день летятъ, какъ галки, только земля дрожитъ отъ ударовъ. Ну, насъ Богъ хранитъ, окопы у насъ закрыты, такъ что осколками не возьметъ, развѣ только сударка попадетъ прямо въ окопъ, тогда все раскидаетъ, Намъ здѣсь не только нельзя ходить, ну, нельзя и выглядывать изъ окопу, сейчасъ и стрѣляютъ. Наши враги не даютъ сходить за водой. Обѣдаемъ одинъ разъ въ сутки и то ночью, а то нельзя показаться, и винтовками, и изъ орудій такъ и бьетъ.

Живемъ мы здѣсь такъ,—навѣрно, слышали, какъ живутъ на войнѣ и что приходится терпѣть, особенно теперь приходитъ холодное и дождливое время, и еще прописываю, что вшей приходится стряхивать, а не бить. Но это все перенесъ бы, только Господь сохранилъ бы и благополучно вернуться домой.

Сейчасъ около нашей халупы, а по нашему землянки, упала мортира, и мы отъ испуга ажъ вздрогнули, которая когда летитъ, далеко слышишь ея шумъ, какъ-то жжж-бахъ! Кто ее, чорта, изобрѣлъ. Ну, будьте здоровы.

Мы находимся съ непріятелемъ лицо въ лицо, рядомъ. Бываютъ каждый день легонькія перестрѣлки, а изъ орудій каждый

день тоже стрѣляютъ. Живемъ въ окопахъ и ихъ всякъ себѣ покрыли, гдѣ два, гдѣ пять человѣкъ. И тамъ кладемъ жарникъ и варимъ чай и когда картофель. Мы всѣ черные, какъ трубочисты—и то бы ужъ жилъ въ эдакихъ, только бы никто не пугалъ.

Теперь помылся какъ бы въ своей банѣ, то поцѣловалъ бы сто разъ свою баню, теперь больше двухъ мѣсяцевъ не мылись. Затѣмъ прошу васъ, Варя, пришлите мнѣ рубаху и носки. Рубашку сшейте простенькую, а только водятся въ сборахъ вши.

Теперь свои обстоятельства объясняю, какъ мы живемъ. Живемъ въ глинѣ, и вся квартира тутъ, ну, что же сдѣлаешь.

Двое сутокъ лежали въ окопахъ въ водѣ, снизу вода, и сверху идетъ дождь, а тутъ рвутся передъ тобой снаряды да нельзя высунуть головы, пули такъ и свистятъ. Лежишь, никуда нельзя ни встать, ни сѣсть. Вотъ тутъ я ноги поморозилъ, два-три дня нельзя было ходить, ну, сейчасъ стало получше.

Летаютъ надъ нами воздушныя птицы—непріятельскіе аэропланы и бросаютъ они съ нихъ бомбы, которыя летятъ съ большимъ шумомъ и визгомъ. Но, должно быть, Господь хранитъ мое счастье. Пошелъ я къ сараю и вдругъ слышу шумъ, летитъ бомба, и одна, и другая. Первая упала отъ меня въ 2-хъ саженяхъ, но не разорвалась, попала въ мягкую землю, насыпную, и ушла въ землю, а вторая у другого сарая подальше разорвалась, разбила дерево и уголъ въ сараѣ разбила и двухъ солдатъ ранила осколками въ ноги. Но я очень струсилъ, вѣдь зря помирать не охота, не сражаясь со врагомъ.

Вотъ теперь, дорогое мое семейство, живемъ мы по Евангелію, если есть у кого ложка воды, то дѣлятся съ товарищами. Если есть 1/4 фунта хлѣба, то дѣлятся тоже съ товарищами. Теперь все время не думаешь о жизни и беречь некуда деньги, у

меня есть, но дѣвать ихъ некуда и купить здѣсь нечего и не у кого, потому что жители здѣсь всѣ уѣхали. Сидимъ мы въ окопахъ, надъ нами рвутся шрапнели и гранаты и частенько приходится быть подъ свинцовымъ дождемъ... Какъ получите письмо, то пишите отвѣтъ скорѣе, буду ждать съ нетерпѣніемъ. Покуда я живъ, то скотину не продавайте, а если убьютъ, то какъ хотите.

И вотъ, навѣрно, вамъ дрянно въ ненастную погоду работать, но всетаки пріѣдете, дома обсохнете, надѣнете сухонькое, а мы среди поля намочимся и ждемъ, когда солнце проглянетъ и обсушитъ и все время въ одной рубашкѣ, перемѣниться нечѣмъ, да и нѣтъ толку на грязное тѣло перемѣняться, и такъ что трудно перенести военную службу на войнѣ, но всетаки Богъ грѣхамъ терпитъ, остаемся живы и здоровы, слава Богу. Затѣмъ я вамъ увѣдомляю, видимся мы часто съ Орловымъ, съ Михайлой, зятемъ Миронова, посылаютъ вамъ почтеніе. И вотъ сошлись, покалякали про самую про негодную тварь войны. И вотъ, если дня три не поищемъ, то и не знатко, что за рубашка, и такъ что удивительно, отколи берется. И такъ что очень скверно.

Пищу намъ теперь выдаютъ на руки, сырое мясо, крупа, и варимъ сами въ окопахъ, потому что вареную пищу подвозить нельзя, мѣсто нашей позиціи чистое поле, такъ что день и ночь летятъ непріятельскія пули и снаряды. А продукты намъ приносятъ по канавамъ, для этого вырыты канавы, по нимъ ходятъ и приносятъ продукты. А варимъ сами въ своихъ котелкахъ, которые мы носимъ во все время съ начала войны, они служатъ за чашку, и за чугунъ, и за самоваръ.

По три дня негдѣ было достать пищи, много народу, не поспѣвали печи и были далеко въ чужой землѣ, а теперь доставляютъ, слава Богу. Всего доставляютъ вдоволь намъ, какъ пищи, такъ и одежи, обижаться нельзя ни на что. Пока, слава Богу, ни въ чемъ не нуждаюсь.

Пища на позиціи хороша. Одинъ фунтъ варенаго мяса и полфунта свинины взамѣнъ каши и супу. Привозятъ, ну, конечно, ночью, и табаку выдаютъ одинъ фунтъ въ мѣсяцъ, и спички, и бумаги даютъ.

Когда спѣшно наступали въ Австріи, то пища у насъ были яблоки и картошка, капуста и морковь, только чтобы взяли зубы, ѣли все сырьемъ, но Господь берегъ отъ болѣзни. А хлѣба давали на 3 дня $1^1/_2$ фунта, а купить негдѣ, да и булка, которая у насъ стоитъ пять копѣекъ, а здѣсь она 30 коп. А теперь и хлѣба даютъ больше и горячую пищу варятъ два раза въ день, а тамъ получали одинъ разъ. Пища теперь пока ничего, хватаетъ хлѣба и варятъ мяса, пока ничего, слава Богу.

Вы сомлѣваетесь, что есть-ли у меня теплая одежда. Изъ одежды ни въ чемъ не нуждаюсь, сапоги получилъ новы въ К. и разбилъ ихъ въ пухъ и прахъ, началъ было тужить, а теперь опять дали новы. Самъ не зябнешь. Выдали казенны вязаны рубахи, мундиръ, шинель одѣнешь, башлыкомъ завяжешься, самому терпѣть можно, а ноги ничѣмъ не укутаешь, а только бѣгаешь.

Въ общемъ, здѣсь не такъ трудно и не страшно, только одна какая-то скука налегаетъ на сердце. Мы уже привыкли къ орудійному огню и это считаемъ какъ бы наши маневры. Но только здѣсь купить негдѣ и нечего. Бѣлый хлѣбъ польскій дорогой, да его ѣшь—противно, а цѣна ему 15 и 25 копѣекъ, такъ прошу я васъ, насушите, если вамъ можно, сухарей и пришлите въ посылкѣ. Изъ одежи здѣсь ничего, но изъ обуви мало. Бѣлья у насъ лежатъ вороха, благодаря россіянамъ, потому что шлютъ вдоволь.

Скорѣе посылайте посылку, я жду не дождусь, и что бы было чего распечатать. И пришлите конвертовъ больше, потому что здѣсь негдѣ достать ихъ. И хорошій ножикъ хлѣбъ рѣзать, пожалуйста, постарайтесь скорѣе и пришлите колбасы и фунтъ

сыру, я его ѣмъ, къ нему привыкъ. Живемъ въ грязи, ну, нужно бороться въ жизни. Написалъ бы больше, ну, только вшей нужно перeискать. Одной рукой пишешь, а другой вшей ищешь.

Стоимъ все на одномъ мѣстѣ, время стало холодное. Еще я вамъ пишу, мила моя мамынька, былъ я дома, поѣлъ я мамакиныхъ лепешекъ и очень они сладки, и вотъ я прошу васъ, пришлите мнѣ гостинца, лепешекъ и сдобну булочку, и ветчинки два фунта. Покамѣстъ дѣлать нечего, я и поѣмъ. Жить мнѣ хорошо, слава Богу. Тятя и мама, простите, что прошу гостинца.

Еще вы пишете мнѣ насчетъ денегъ. Вѣрно, денегъ у меня нѣтъ ни одной копѣйки, и мнѣ ихъ не надо, потому что кормятъ насъ хорошо, мяса привольно, каши тоже много, чаю, сахару, тоже привольно, такъ чай пьемъ въ накладку, сахаръ выдаютъ пиленый по 10 и 15 кусковъ на день, потомъ ежедневно выдаютъ масло коровье и ветчину на перемѣнку, бѣлье тоже даютъ, потомъ я скоро получу жалованье за два мѣсяца, мнѣ пока и хватитъ. Зимы у насъ нѣтъ, снѣгу нѣтъ ничего. Когда нападетъ немного и тутъ же растаетъ, и не очень холодно. Живемъ мы въ землянкахъ, бани нѣтъ, вотъ это плохо, все время въ одежѣ, тѣло чешется, и вши немного есть. Ну, я ходилъ по чужой сторонѣ, я уже это все испыталъ, я всетаки къ этому привыкъ, а которые нигдѣ не были, тѣмъ плохо.

У насъ здѣсь говорятъ—все уклоняется къ миру, но неизвѣстно, что будетъ. Я за себя нисколько не думаю, только жалко жену и дѣтей. Намъ здѣсь никакихъ заботъ нѣтъ. Теперь очень хорошо. Начальство все хорошо.

Вы просили свѣдѣнія о состояніи моей жизни. Живемъ мы не по одинаковому. Когда бываетъ отдыхъ, а то ни день, ни ночь нѣтъ отдыху. Въ банѣ, какъ выѣхали, мылся три раза (6 мѣсяцевъ), бѣлье мѣняемъ тоже, какъ съ плечъ свалится, умываемся, какъ вода подъ руками, каждый день не приходится. Вши хуже

непріятеля досаждаютъ, не хотятъ помѣщаться въ рубахѣ, лѣзутъ наружу. Перемѣнили насъ на другую позицію, на одной стояли цѣлый мѣсяцъ, порыли себѣ землянки, какъ намъ казалось хорошо, позицію укрѣпили, линіи оплели проволочной сѣтью, кромѣ того преградой служила рѣка Пилица, а теперь позиція плоха, вся открыта, непріятель очень близко, видать его окопы. Теперь опять ходимъ по ночамъ. Съ 8-го на 9-ое нашъ взводъ ходилъ на передовую линію для производства обороны къ стрѣльбѣ, и услышалъ непріятель шумъ, ну, открылъ огонь по насъ. Благодаря тому, что были близко отъ траншей, всѣ попрятались въ траншеи. Которыхъ захватило на полѣ, легли въ ряды пашни, вреда причинило мало, и стрѣльба началась сразу по всему фронту, наши тоже начали въ нихъ сыпать по чему попало. Ну, мы подумали, что онъ наступаетъ, и бой продолжался 40 минутъ облетомъ. Командиръ батальона передалъ артиллеріи, что противникъ сильно обстрѣливаетъ. Артиллерія залпа 3 грохнула, и онъ прекратилъ огонь, все стихло, тогда пошли.

Мои дѣла слѣдующія, стоимъ на позиціи, очень трудно приходится, а главное, надоѣдаетъ застава, ходимъ черезъ сутки и дежуримъ на открытомъ мѣстѣ день и ночь, подходимъ къ нѣмцу шаговъ на сто, изъ за кустовъ слышно ихъ, какъ ходятъ и посвистываютъ, тотчасъ начинаю палить въ это мѣсто, но только очень опасно, боязно, какъ бы не зашли въ затылокъ, куста и ночь, глазъ коли—не видать. Прошлую ночь ранило моего одного на посту, только провѣрилъ посты, не поспѣлъ отойти отъ него, какъ онъ заоралъ во все горло, у него отшибло одинъ палецъ, я такъ и замеръ, думалъ, обнаружилъ постъ, но, къ счастью, вѣрно не слыхали, спали на позиціи. Можно еще стоять въ окопахъ, но вотъ такъ-то не особенно, а ночь-то годъ, холодъ, вѣтеръ и дождь, плохое досталось мнѣ счастье, есть и позиціи разныя, лежатъ и все, но мы стоимъ, сторожимъ, а между тѣмъ пули летятъ безпрестанно. Сто разъ хуже позиціи.

И вотъ мы сами себѣ думаемъ: мы здѣсь поемъ пѣсни, а рядомъ убило въ эту же минуту человѣка, и такъ все время эдакъ проводимъ, и вотъ пока живъ и здоровъ, а тамъ что Богъ сдѣ-

лаетъ. Мы стоимъ на отдыхѣ двѣ недѣли уже, стоимъ въ землянкахъ. Въ землянкахъ ничего стоять тепло, пища теперь, слава Богу.

Увѣдомляю, Глаша, что я нахожусь на передней позиціи въ окопахъ, отъ германца шаговъ на сто, днемъ почти не стрѣляемъ, но ночь всю насквозь не спимъ, стрѣляемъ, и изъ орудій стрѣляютъ, земля дрожитъ. Теперь ничего, не боязно, привыкъ, только не высовывай голову. Чай пьемъ, обѣдаемъ супъ, на мѣсто каши даютъ ветчину кусочекъ, жаримъ въ котелкахъ и чай кипятимъ сами, только за обѣдомъ и за дровами ходить больно опасно, какъ освѣтитъ прожекторомъ, такъ и видно, какъ днемъ, скорѣе падаешь на землю и лежишь, а не итти нельзя, надо пить и ѣсть. Чаю даютъ и сахару, и табаку, только хлѣбъ больно крутой, какъ чечевичная лепешка.

Вы сами хорошо понимаете, какая моя жизнь. Только что одно вамъ сказать: что рѣшились мы на одно и думаешь, отъ этого никуда не уйдешь, все равно, вѣроятно, придется умереть за царя и за родину. Вы, вѣроятно, ждете меня домой всетаки, но я предполагаю такъ, что если миру скоро не будетъ, то навѣрно придется покончить свою жизнь на полѣ брани. Затѣмъ прощайте. Пишите.

Ночью было тихо. Съ разсвѣтомъ дня замѣтилъ насъ нѣмецъ, началъ засыпать чемоданами, шрапнелью, только слышно вой и грохотъ, осколки брызжутъ, сыпятся, какъ горохъ надъ нами, на наши окопы. Въ окопахъ темно кругомъ, крыто. Я зажегъ лампочку, писалъ это письмо. Какъ рвется снарядъ, въ окопѣ сыпется земля. И вотъ проходятъ наши дни такъ. Теперь утро. До вечера, пока не темнѣетъ, не показывайся на вольный свѣтъ. Наша жизнь на ниточкѣ. Пока Господь Богъ сохраняетъ, что Богъ пошлетъ впереди.

---

14 сутокъ мы высидѣли въ окопахъ и не видали никакого сарая. Ну, очень холодно, и перестрѣлка шла и день, и ночь, и

никакого не было спокою. И отъ германца сидѣли только 70 шаговъ. Какъ онъ выйдетъ изъ окопа, такъ стрѣляй. Покамѣстъ еще живъ, здоровъ. Я подвигъ сдѣлалъ небольшой, навѣрно чѣмъ нибудь, я думаю, наградятъ. Мой подвигъ былъ такой—грудь въ крестахъ, или же голова въ кустахъ, и весь мой подвигъ. Лети, листокъ въ родимый край, тамъ увидишь свѣтлый рай.

Стоимъ мы цѣлый мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ, ожидаемъ ежеминутно наступленія отъ нѣмца или отъ насъ, сидимъ въ окопахъ, очень бьетъ снарядами. Въ окопъ пуля не попадетъ скоро, бойся снарядовъ. Погода очень плохая, снѣгу нѣту, идетъ дождь, нападетъ снѣгъ, пойдетъ дождь, растаетъ, очень сыро, но больше писать нечего.

Здѣсь у насъ новости—каждый день рвутся снаряды, сыплютъ пули и визжитъ шрапнель. Каждую минуту готовься къ смерти. Прошу васъ, дорогой родитель, заочно меня благослови и прости ты меня, не знаю, Богъ приведетъ или нѣтъ съ вами увидѣться. Не увижу я больше своей родной семьи. Сейчасъ стало очень холодно, мокро и все время холодно, помянешь всѣхъ святыхъ. Вы пишете, не нужно-ли денегъ, спасетъ Богъ на вашемъ предложеніи, пока мнѣ не нужно.

Увѣдомляю васъ, дорогіе мои, мы теперь съ 26-го марта находимся на позиціи, гдѣ каждая минута угрожаетъ опасностью. Пули враговъ летятъ, какъ мошки, но они въ окопахъ не страшны, но приходится каждую ночь выходить на постъ впереди окоповъ, ну, тамъ опасно. Что въ темнотѣ къ постамъ подползаютъ непріятельскіе развѣдчики и бросаютъ бомбы. А если прозѣвать, то и штыкомъ заколютъ, это бываетъ. Также и наши развѣдчики ходятъ и бросаютъ бомбы въ непріятельскіе окопы и также уничтожаютъ ихніе посты, убиваютъ и забираютъ въ плѣнъ. Но нѣмецъ въ плѣнъ не беретъ, а если возьметъ, то очень казнитъ, рѣжетъ уши, носъ, пальцы. Страшно попасть въ плѣнъ. Но еще жизнь наша въ окопахъ отъ непріятельскихъ пуль не страшна, но прилетитъ болѣе 8-ми верстъ чудовище орудійный снарядъ и

попадаетъ въ окопъ, и поражаетъ десятки людей нашей братіи. За каждую минуту своей жизни благодаримъ Господа, что Онъ сохранилъ нашу жизнь. Но прошу васъ, дорогіе мои, обо мнѣ не плакать, а просить Господа о сохраненіи жизни.

Служба наша въ общемъ нелегкая, но въ военное время жаловаться на то нельзя. Но какъ бы ни была трудна наша служба, мы, какъ люди, всегда можемъ промыслить для себя и пищи, и сухого ночлега. Но бѣдныя наши лошадки страдаютъ отъ холода и голода больше нашего.

Живъ и здоровъ. Мы вѣдь какъ ждемъ вашихъ писемъ здѣсь, и нѣтъ и нѣтъ вашего отвѣта, и нѣтъ мнѣ отъ васъ развлеченія—новостей. Если бы на меня посмотрѣли, то навѣрняка не узнали, весь я закоптѣлъ въ дымѣ. Затѣмъ не пообезсудьте, что плохо написалъ, вѣдь это не на столѣ, а на колѣняхъ и лежа на брюху написано, по всячески. И днемъ у насъ никакихъ выходовъ нѣтъ, ночью и всю пищу доставляютъ и за водой ходимъ, все дѣлается по ночамъ у насъ, какъ несчастному земляному зайцу, то и намъ.

Жизнь наша, Дуня, идетъ здѣсь скучная. Вотъ уже два мѣсяца подходитъ, мы стоимъ на одномъ мѣстѣ, стрѣльбы мало. Когда мы стрѣляемъ, и непріятель стрѣляетъ, какъ-то веселѣе, какъ австрійскіе снаряды рвутся то впереди, то позади, а то гдѣ нибудь въ сторонѣ. Непріятель стрѣлялъ въ насъ, но только три раза, безъ вреда. Жизнь наша пока ничего, хлѣба вдоволь. По утру, мы еще спимъ, пріѣзжаетъ къ намъ кухня, встаемъ, завтракаемъ, потомъ согрѣваемъ чайку, середь дня попьемъ, къ вечеру опять ужинать, послѣ ужина опять чай пить, потомъ спать. Въ караулъ рѣдко, черезъ 7 ночей хожу, погода стоитъ теплая, и ты, Дуня, радуйся, что не въ пѣхотѣ, а въ артиллеріи. Пѣхота нашему житью завидуетъ и говорятъ—вотъ придутъ домой и скажутъ, что были на войнѣ, а непріятеля въ глаза не видали, что только плѣнныхъ; живутъ въ хорошихъ землянкахъ, а мы дрожимъ день и ночь подъ открытымъ небомъ. Мнѣ, Дуня, пока

хорошо, нужды ни въ чемъ не имѣю, только очень по тебѣ, Дуня, соскучился.

Мы перешли на другую позицію, теперь стоимъ на позиціи въ окопахъ, непріятельскіе окопы отъ насъ всего въ разстояніи только четыреста шаговъ, и вотъ нельзя показать головы, какъ только покажется кто нибудь, тутъ и пуля. Мало того, летятъ еше снаряды, которые рвутся, какъ сильный громъ грянетъ, и выкидываютъ земли цѣлый стогъ кверху, и остается яма глубиной два аршина и широкая, но пока Богъ милостивъ—хранитъ. А пища теперь ничего, хватаетъ, слава Богу, но не забывайте Господа Бога за ваше и мое здоровье. Прощайте, дорогіе мои родные.

У насъ начинаютъ томошиться, на этихъ дняхъ будетъ наступленіе. Пока стоимъ, боевъ нѣту, а нѣтъ того дня, чтобы то убьетъ, то ранитъ. Этто вотъ днемъ прилетѣлъ снарядъ прямо въ халупу и оторвалъ одному телеграфисту ногу—бѣда. Вотъ мнѣ теперя стало хуже, какъ-то боязно, а почему—потому что житье получше и пища лучше. Сейчасъ хорошо, а всетаки понемногу собираемся опять. Ну, Ты, Господи, и може сохранитъ Царица Небесная. Я думаю, всѣхъ сразу не убьетъ, кто нибудь останется. У меня покамѣстъ, слава Богу, народъ хорошій, мнѣ съ ними хорошо. Не обезсудьте на моихъ кривыхъ строкахъ. Что будетъ,—я вамъ пришлю еще.

Пишу тебѣ вѣсточку, что я, слава Богу, живъ и здоровъ. Будь увѣрена, что скоро мы нѣмца въ прахъ разобьемъ и выгонимъ его, нечестиваго, изъ земли нашей.

О ВРАГѢ.

Чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ, ноги болятъ. Навѣрно, ноги болятъ отъ того, что они все время находятся въ мокромъ видѣ, постоянно мокрыя, а портянки негдѣ высушить и тѣмъ болѣе некогда, все время нужно смотрѣть въ оба, чтобы не засталъ нѣмецъ насъ врасплохъ, очень умно онъ дѣйствуетъ, но его умъ и искусство мы узнали.

На самой опушкѣ лѣса засѣли австрійцы и какъ насъ замѣтили, открыли по насъ стрѣльбу. Такимъ образомъ, намъ пришлось бѣжать двѣ версты до лѣсу по открытому полю подъ градомъ пуль и снарядовъ. Бѣгутъ, конечно, не всѣ сразу, а одни стрѣляютъ и перебѣгаютъ по маленькимъ частичкамъ, а то бы мы не прибѣжали ни одинъ къ непріятельскимъ окопамъ. Но вотъ уже мы близко, осталось не больше 200 шаговъ, въ окопахъ австрійцевъ поднялся бѣлый флагъ. Нашъ ротный командиръ кричитъ, чтобы не стрѣляли. Мы идемъ, не стрѣляемъ. Вдругъ залпъ, и нашъ ротный командиръ съ 20-ю другими молодцами, идущими впереди, повалился. Наши смѣшались, сперва легли, а потомъ кинулись въ атаку, но ихъ уже много убѣжало въ лѣсъ. А тѣ, которые остались въ окопахъ, стоя на колѣняхъ, съ поднятыми вверхъ руками, сдались. Наши изъ нихъ не убили ни одного.

Пишите, что у васъ новаго есть о войнѣ, у васъ, можетъ, есть больше слуху. У насъ здѣсь ничего ни отъ кого правильнаго не узнаешь, говорятъ солдаты всячески. Не думается, что скоро миръ, очень упорно дерется.

Наши войска всѣ въ Австріи, и дѣла тамъ идутъ успѣшно для насъ, только бы Господь помогъ взять К., тогда и германцы подумаютъ. Пожалуй, такъ же побѣгутъ, какъ бѣжали изъ подъ Млавы въ свою территорію, тогда и ему покажутъ, почемъ сотня гребешки.

Онъ около Варшавы еще на нашей землѣ бьется, никакъ не выгонятъ его. Можетъ быть, какъ нибудь Богъ поможетъ выгнать.

Вотъ навязался какой врагъ вредный. Пожалуй, война долго пройдетъ. А всетаки непріятель противъ насъ не устаиваетъ, два раза получали отъ Государя спасибо. Въ одномъ бою насъ было пять тысячъ, а непріятеля 60 тысячъ, и мы держались, потомъ пришли намъ на помощь, и его прогнали.

Даже и кто былъ на войнѣ въ Турецкую войну и въ Японскую, всѣ они не знаютъ, какая германская война. Тутъ жгутъ снизу и сверху огнемъ. Снизу бьютъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ, а сверху съ ероплана и цепелина.

Ночью было наступленіе очень сильное, много побито германцевъ, но наши попали тоже въ плѣнъ нѣсколько. Они выходятъ съ бѣлымъ флагомъ, нашихъ обманули, что сдаются, а потомъ и стрѣляютъ по нашимъ.

Противникъ нашъ—германецъ, свирѣпый нѣмецъ, всего отъ насъ на четыреста шаговъ и передаемъ задорныя и насмѣшныя слова къ нимъ, а они къ намъ, и они, разсердившись на насъ, начинаютъ насъ угощать бомбами, но, слава Богу, не попадаютъ.

30-го числа летали, стерва, надъ нами, стрѣляли пушкой по насъ (передовой отрядъ Краснаго Креста). Снарядъ только сто шаговъ не долетѣлъ. Очень опасно жить. Живемъ въ землянкахъ.

Очень хитрый попался врагъ, еще началъ душить какими-то газами, очень хитрая эта война.

Я живъ и здоровъ, получилъ крестъ и медаль. Живемъ мы въ землянкахъ, устроили себѣ печь, такъ что ничего себѣ поживаемъ. Кормятъ насъ хорошо. Зимы у насъ нѣтъ. Да вотъ что, братъ, я вчера былъ въ караулѣ, смотрю, ползетъ австріецъ и выглядываетъ, что у насъ дѣлается. Я увидѣлъ, какъ подбѣжалъ къ нему, такъ далъ ему прикладомъ по башкѣ. А другіе видятъ, гдѣ онъ, я и давай стрѣлять и кричу—вотъ, больше не придете! А сегодня австріякъ началъ въ насъ стрѣлять изъ орудія, и снарядъ попалъ прямо въ котелъ съ кашей. Куда каша, куда котелъ. Вотъ чортъ и оставилъ насъ голодными, а солдаты смѣются.

Третьи сутки ѣдемъ по желѣзной дорогѣ, а сегодня вечеромъ пріѣдемъ на мѣсто и, навѣрно, попадемъ прямо въ бой, намъ навстрѣчу везутъ очень много раненыхъ, и они говорятъ, что очень тамъ сильный идетъ бой. Придется, и намъ, видно, подраться съ этимъ проклятымъ германцемъ. Ну, мы ему докажемъ.

Въ боевыхъ дѣлахъ мы продолжаемъ быть, по милости Божіей, съ 15 августа. Встрѣтили хитраго и злого, какъ тигръ, врага, который лѣзъ густыми колонами и хотѣлъ прорвать нашу рѣдкую цѣпь. При деревнѣ Неджнвице пошли грудью впередъ и заставили ихъ своимъ твердымъ штыкомъ и мѣткимъ выстрѣломъ оборотиться туда, откуда они, негодяи, осмѣлились прійти на нашу родную и непобѣдимую землю. Хитрый и злой, коварный врагъ хотѣлъ остановиться на нашей родной землѣ, нарылъ окоповъ и траншей, много ископалъ нашей дорогой и родной земли и думалъ, вѣрно, отъ Россіи столь много оторвать русскихъ сѣрыхъ героевъ, но, вѣрно, ошибся. Нашъ русскій солдатъ не надѣется на хитрость, а имѣлъ надежду на Бога, и съ Божьей помощью и надеждою ринулись мы на коварнаго врага. 12 сутокъ мы и ночь, и день бились и обагряли каждый шагъ земли кровью нашихъ друзей-товарищей. Много мы здѣсь побили врага, ну, и намъ не дешево стоило его отбросить. 28-го непріятель сталъ отступать, бѣжать во-свояси, не поспѣвали за нимъ дѣлать переходы. Какъ слѣдуетъ ихъ били и много пришлось въ плѣнъ брать. До того ихъ въ плѣнъ нагнали, что не рады теперь стали. И теперь онъ что ни бьется—какъ трава на косу, много падаетъ, а остатки въ плѣнъ забираютъ.

Говорятъ, что война не долго продолжится, скоро кончится, и по газетамъ видать, что австрійцы не хотятъ войны и сдаются въ плѣнъ. Противъ насъ тоже хотятъ сдаться 8 тысячъ и говорятъ:—вы, русскіе, сдѣлайте черезъ рѣку мостъ, и мы перейдемъ. Какъ наши видѣли, что ходятъ оборваны и истощены, и голодны.

Ходили мы къ нѣмцамъ въ гости, и они угощали нашихъ виномъ, и они къ намъ приходятъ. Пока все спокойно идетъ.

Къ намъ три полка пришли въ плѣнъ. Насъ только 200 человѣкъ, а ихъ три полка. Мы очень испугались, но не бросили ружей мы. Ну, узнали, что они въ плѣнъ идутъ, мы ихъ взяли и повели къ офицеру. Офицеръ вышелъ,—вы ихъ отколь взяли?— А тутъ они просятъ у насъ на колѣняхъ хлѣба.

Пригнали къ намъ нашихъ враговъ нѣмцевъ, австрійцевъ и турокъ. Турки народъ плохой, весь обмороженъ. У нихъ на ногахъ только чулочекъ да чувяки, которые у насъ носятъ только лѣтомъ.

Увѣдомляю я васъ, я нахожусь съ 10-го января съ плѣнными. Ихъ здѣсь 2400 человѣкъ. Ихъ посылаютъ на работы, съ нами ходятъ, и можно, кто провинится, послать не въ очередь на работу и можно посадить подъ арестъ. Ихъ кормятъ такъ же, какъ и насъ, даютъ бѣлья, починяютъ ботинки и нѣкоторымъ даютъ новые сапоги.

Сообщаю вамъ, что среди плѣнныхъ германцевъ много женщинъ, мужчинъ-стариковъ 60-ти лѣтъ и молодежи 16-ти лѣтъ, которые имѣютъ участіе въ войнѣ, и эти люди не войско составляютъ изъ себя, какъ были они сначала войны, сыты и хорошо одѣты, сейчасъ же многіе изъ нихъ совсѣмъ босикомъ и плохо одѣты и жалуются, что у нихъ недостача хлѣба.

17-го былъ сильный бой, лѣзъ германецъ, но его тутъ много положили, и онъ отступилъ. Мы взяли въ плѣнъ германцевъ 16-тилѣтнихъ и потомъ все у кого нѣту трехъ пальцевъ, у кого рука не гнется. И въ обозѣ у нихъ 60-ти лѣтъ, а тамъ у него берутъ такихъ, кто не годенъ на службу былъ, на войнѣ. Ну, у него войска нѣту, но снарядовъ есть, ну, ему дадимъ перцу. Охъ, нѣмецка морда, все равно мы его разобьемъ.

Милая моя Любушка, ты писала, что у насъ въ городѣ есть плѣнные австрійцы, а ты ихъ видала или нѣтъ, ты мнѣ пропиши

Ты и вы ихъ не ласкайте, вы хорошо знаете, что они враги наши, они насъ убиваютъ, и мы ихъ убиваемъ. Можетъ, увидишь, то спроси,—а что Арматья добже щиляютъ?—и ты узнаешь, что они скажутъ, они насъ, артиллеристовъ, очень не любятъ, мы ихъ очень бьемъ шрапнелью или гранатой.

Есть-ли у тебя хлѣбъ и чѣмъ сѣять, все пропиши мнѣ, чтобы я не сумлѣвался. Говорятъ, что работниковъ вамъ даютъ плѣнныхъ. Какіе они работники.

Въ другихъ мѣстахъ, пишутъ, что плѣнныхъ австрійцевъ размѣщаютъ по деревнямъ и находятся такія солдатки, ихъ берутъ къ себѣ и говорятъ, что онъ будетъ работать, пахать, косить и молотить. Не вздум... Затѣмъ прощай, моя милая, моя Любушка.

У насъ слухи есть, что въ каждую деревню пригонятъ работать къ солдаткамъ плѣнныхъ, то прошу тебя, всѣ силы употребляй, не бери этого проклятаго плѣннаго, если возьмешь, то онъ тебѣ надѣлаетъ, Маша, много зла, да и какой изъ него работникъ, когда за нимъ надо все время глазъ да глазъ. Онъ не то пособитъ тебѣ, дорогая Маша, но даже можетъ уничтожить все твое имущество и надѣлать тебѣ бѣды. Пожалуйста, прошу тебя, Маша, какъ можно, если будутъ приневоливать, не бери ни за что, хотя бы тебѣ предлагали съ нимъ какую хошь плату. Такъ вотъ, дорогая Маша, слушай моего совѣта.

Сегодня сижу, какъ съ похмѣлья, шумитъ голова отъ взрывовъ тяжелыхъ орудій, только, только-что затихла. Теперь что-то все чаще и чаще открывается стрѣльба, но это насъ не пугаетъ, нашъ противникъ все дѣлается смѣлѣй, будто по его смѣлости будетъ скоро наступленіе, но мы этого ожидаемъ давно. Прежде сходились вмѣстѣ и здоровались. Австріецъ подаетъ руку и говоритъ:—Русъ, миръ, миръ!—Наши спрашиваютъ:—Когда будетъ миръ, не знай, только я съ вами заключилъ пока. На, вотъ, папиросъ, а водки нѣтъ. Если на Пасху получимъ, приходите къ

намъ.—Ладно, придемъ!—На, возьми хлѣба, у васъ нѣтъ.—Нѣтъ, не надо, у насъ бѣлый, мы такого не ѣдимъ, если хошь, сейчасъ принесу булку.—И побёгъ обратно. Идетъ, руки вверхъ, въ обѣихъ рукахъ по булкѣ. Но теперь этого нѣтъ и не будетъ до конца войны. Что писалъ про бой, это будетъ или нѣтъ, не знай, а если придется, то ручаюсь, что не больше полчаса имъ быть въ окопахъ. У насъ артиллерія дерется очень стойко и теперь ее очень много. Какъ начнутъ залпомъ, заглушатъ сразу.

Окопы у насъ хорошіе, и также мы укрѣпились очень хорошо, и герману насъ сбить не удастся. На дняхъ въ нашъ полкъ пришелъ нѣмецъ для того, чтобы сдаться въ плѣнъ, жалуется на пищу, что по три дня не получали пищи и на скверную обувь. Кромѣ того, онъ сообщаетъ, если не будетъ миру до новаго года, то всѣ ихніе солдаты воткнутъ въ землю штыки прикладомъ вверхъ и будутъ сдаваться въ плѣнъ, потому что кайзеръ ихъ обманываетъ миромъ.

ВЪ РАЗОРЕННОЙ ПОЛЬШѢ.

Еще извѣщаю я васъ про свою жизнь, которую мы проводимъ здѣсь, въ польскомъ краю, и что мы здѣсь видимъ. Мы тутъ укрѣпляемъ позицію въ тылу войскъ, а деревни тутъ всѣ разграблены нѣмцами, а болѣе всего сожжены, стоятъ однѣ трубы, а гдѣ вотъ лѣсъ—весь поколотъ снарядами, а гдѣ падаютъ снаряды, тутъ вырываетъ воронки двѣ сажени ширины и въ сажень глубиною. Вся мѣстность изрыта, и въ нихъ хоронятъ трупы, а теперь ихъ вырываютъ и хоронятъ на возвышенныхъ мѣстахъ, чтобы не было заразы.

Выѣзжали мы на позицію по шоссейной дорогѣ, по которой шелъ германецъ, когда наступалъ на Варшаву. Поля по обѣимъ сторонамъ дороги показываютъ общимъ кладбищемъ, мѣстами изрыты окопами и сплошныя могилы. Очень жаль бѣдныхъ жителей, они остались безъ крова и безъ куска хлѣба, жительства ихнія сожжены и разбиты снарядами, лошади взяты германцами

возить ихъ тяжелыя орудія, а коровы и свиньи съѣдены. Германское начальство обѣщало платить имъ деньги, когда возьмутъ Варшаву. Такъ поляки намъ передавали.—Эти несчастные могильные курганы, говорили они,—долго будутъ у насъ въ памяти и впередъ нашимъ потомкамъ будутъ служить вѣрнымъ свидѣтелемъ, какъ дралась за насъ Россія. Много засыпано песками Польши отцовъ работниковъ, у которыхъ остались дома сироты-дѣти. Убрали бы они отцовскія могилы цвѣтами, да не знаютъ, гдѣ ихъ закопали. Съ ними вмѣстѣ закопали и ту родительскую ласку, которой они согрѣвались, какъ солнцемъ. Деревянный крестъ надъ ихъ могилой при дорогѣ будетъ вѣчнымъ памятникомъ, да и намъ долго будетъ на памяти, если самимъ Богъ не приведетъ лечь подъ этими курганами.

Въ городѣ Варшавѣ люди насмотрѣлись на жизнь солдата и такъ хорошо привѣтствовали и помогали солдатамъ, угощали булками и раздавали папиросы пачками.

Вы помогаете мнѣ, а я помогаю бѣднымъ скитающимъ крестьянамъ, которые живутъ подъ открытымъ небомъ. Не жаль такъ взрослыхъ, какъ ихнихъ дѣтей. Часто мнѣ приходится проѣзжать мимо этихъ жителей и никакъ не могу проѣхать мимо, чтобы не дать этимъ бѣднымъ дѣтямъ по кусочку сахара и хлѣба. Когда ихъ обдѣляемъ, то они радуются и смотрятъ весело. Матери этихъ дѣтей за такую крошку несчетно разъ благодарятъ.

Жизнь наша здѣсь хотя и не совсѣмъ красива, но тяготиться ею я не могу, потому что другіе, я вижу, терпятъ нужду отъ войны еще больше нашего. Такъ, не говоря уже о тѣхъ, кто 4-ый мѣсяцъ въ полной боевой амуниціи подъ дождемъ и вѣтромъ на позиціи, каждый день я вижу у себя на кухнѣ во время обѣда босыхъ и голодныхъ польскихъ дѣтишекъ, у которыхъ отцы страдаютъ тоже на войнѣ. Приходятъ они на кухню для того, чтобы получить отъ солдатъ засушенную корку солдатскаго хлѣба, которую тутъ же начинаютъ грызть. Спрашиваю:—Гдѣ у тебя отецъ?—На войнѣ,—отвѣчаетъ.—А мать у тебя гдѣ?—На работѣ.

Живъ-ли отецъ-то, давно-ли получали отъ него письмо?—Не знаю, живъ-ли, письма давно уже нѣтъ.—Сколько же васъ у матери?—Пятеро, говоритъ.—Садись съ нами супъ кушать, а завтра опять приходи, говоримъ ему. Нисколько не стѣсняясь, садится рядомъ съ нами, быстро начинаетъ работать ложкой. Такимъ образомъ, вспоминая своихъ малыхъ дѣтокъ, очень жалѣю здѣшнихъ малютокъ, и кормимъ такъ каждый день. Непрестанно молю Бога, чтобы моимъ дѣтямъ не пришлось такъ же страдать, какъ этимъ малюткамъ.

Чего только можно видѣть на вольномъ свѣтѣ, видѣлъ—много женщинъ съ малыми дѣтьми, плачутъ, несутъ на себѣ люльки, навязанные узлы, все подобное. Горе великое.

Начинаю вспоминать все домашнее. Теперь я понялъ, какъ ровна наша жизнь. Здѣшними мѣстами нѣтъ спокою ни день и ни ночь, всѣ жители выѣзжаютъ изъ своихъ селеній, изъ своего родного угла съ малыми дѣтьми, гонятъ свою скотину за собой, всѣ унылые и плачущіе, это страшная картина. Хлѣба всѣ, какъ уже въ порѣ становятся, потолоченные и помятые, сильные удары изъ орудіевъ не умолкаютъ, ночь—пожары, везутъ раненыхъ. За грѣхи насъ Господь наказуетъ.

Ушли мы на тыловую позицію, которая была устроена середь полей въ хлѣбахъ, теперь заросла ржами, убирать крестьянамъ не придется на позиціи, потому что день и ночь стрѣльба. Здѣшніе жители мучаются хуже, чѣмъ солдаты. Гдѣ назначенъ бой, бросаютъ всѣ свои жилища, уходятъ въ другія деревни, старики, другой больной, нездоровъ, малыя дѣтишки, посажаютъ на повозку, лошади плохія, хорошихъ отобрали, безкормица, пріѣдетъ въ безопасное мѣсто, кушать у него нечего и помѣщаться негдѣ. Зиму имъ было великое мученье, сейчасъ тепло на волѣ. Дома ихъ ежедневно горятъ отъ артиллерійскаго огня. Цѣлыя деревни сожжены, горятъ, никто не тушитъ, сколько надо, столь и сгоритъ.

Живемъ все время въ хатахъ, привыкаемъ къ людямъ всѣхъ селъ, какъ къ своимъ. Чѣмъ можемъ, поможемъ, они тоже услуги свои оказываютъ намъ: постоянно грѣютъ чай, стелятъ постель. Быть можетъ, тайно и питаютъ злобу на непрошенныхъ гостей, но все-же по нуждѣ, или по доброй волѣ противнаго не выказываютъ. Такъ было и въ Галиціи. Галичане бѣдные очень разорены.

Вы пишете, что къ вамъ прислали бѣженцевъ, да, это плохо. Какой все губерніи? Что же дѣлать, и имъ некуда дѣваться. Страдаютъ бѣженцы—бѣда какъ.

(Письмо солдата поляка). Я вчера записался въ бомбометчики, это болѣе опасная должность, чѣмъ я состоялъ въ строю, но эта должность меня не страшитъ, наоборотъ, я радуюсь такой должности, несмотря на то, что она очень опасна: для того, чтобы бросить бомбу, нужно подползти очень близко къ нѣмцу, такъ, чтобы можно было докинуть съ руки до нѣмца, вродѣ какъ малыши кидаютъ камушки, такое дѣло и мы. Я долженъ отомстить нѣмецкимъ варварамъ за ихній грабежъ, за ихнее издѣвательство надъ мирными жителями и за то, что безъ всякихъ причинъ убили съ аероплана моего старика отца (я отъ бѣженцевъ сосѣдей своихъ узналъ), разлучили мою мать съ моимъ отцомъ, она куда-то убѣжала, и я не знаю, гдѣ она, бѣдная, склоняется одна, можетъ, она протягиваетъ руку для подачи куска чернаго хлѣба у этихъ самыхъ разрушителей, которые разрушили, разграбили наше имущество, превратили все въ пепелъ и дымъ, но она сейчасъ должна покоряться имъ и слушать ихній приговоръ. Охъ, жалко, что меня нѣту тамъ, гдѣ она, моя дорогая мама, находится, я бы ее защитилъ отъ этихъ проклятыхъ развратниковъ. Но я увѣренъ, что старушка не вытерпѣла этихъ страшныхъ мученій, у которой такъ мало силы для того, чтобы бороться съ ними, и она, навѣрно, пошла на отдыхъ, тамъ, гдѣ всѣ такъ сладко спятъ, и гдѣ наши братья, окровавленные, безъ головъ, безъ ногъ и безъ рукъ лежатъ, въ этой же партіи и она лежитъ. Она, я знаю, не выдержала этого, что тамъ происходитъ, и пришлось ей уснуть вѣчнымъ сномъ. Я ради этого записался въ бомбометчики.

ИЗЪ ЛАЗАРЕТА.

Еще увѣдомляю васъ, что я раненъ въ обѣ ноги пулей. Боль не опасна, не заботьтесь, Господь поможетъ, излечусь. Насъ съ позиціи привезли 80 человѣкъ. Лежимъ въ лазаретѣ. Мы масляницу всю были на позиціи, дрались съ нѣмцемъ, а теперь у насъ стала масляница, лежимъ день и ночь да ѣдимъ. Кормятъ очень хорошо, забавляютъ, какъ маненькихъ разной бездѣлюшкой, конфетъ даютъ, урюкъ. А которыя вы мнѣ деньги прислали, я еще не получилъ.

Пишу я, вашъ сынъ, Петръ Герасимовичъ, и хочу я вамъ написать нерадостную вѣсть и мою несчастную долю и нерадостную участь. Мама, что я тебѣ пишу, навѣрно, твое сердце давно чувствуетъ, что меня 5-го октября, въ воскресенье, въ 10 часовъ утра постигло большое несчастье. Сидѣли въ окопахъ и ждали себѣ смерти. Пули летѣли, какъ дождикъ, бомбы и ядра, и гранаты рвались около насъ. Все Богъ берегъ. Вся матушка земля выла отъ ударовъ тяжелой орудіи. Вдругъ злодѣйка германская шрапнель разорвалась около нашего окопа. Полетѣли осколки и прямо мнѣ въ ноги. И закидало всѣхъ землей. Я хотѣлъ ноги поворотить, но посмотрѣлъ на сапоги, сапоги пробиты, идетъ кровь. Вылѣзти нельзя, пули летятъ, снаряды, какъ громъ трещитъ. Черезъ часъ прибѣжалъ фершалъ, скинулъ сапоги, перевязалъ мнѣ обѣ ноги, нести было нельзя, все одно убьетъ, надо ждать ночи. Ночью немного утихаетъ стрѣльба, ночью не ходятъ въ атаку, то-есть въ штыки. Я былъ 6 дней въ бою и ходилъ на штыки, Богъ берегъ. Навѣрно, мама молилась. Сколько перебило, но мнѣ, слава Богу, ранило, но не опасно. Молитесь только, мама, Богу, я васъ всѣхъ не забуду, по гробъ своей жизни, что я живъ остался. Даже и самому не вѣрится, что я живъ и невредимъ. Мы лежимъ теперь у Краснаго Креста. Мама и братецъ, за нами какъ ухаживаютъ, какъ за малыми дѣтями, кормятъ и поятъ оченъ хорошо, коечки отдѣльно, постели, одѣяло—все чисто. Бѣлье все на насъ чисто, ухаживаютъ Сестры Милосердныя очень хорошо и тихо обходятся. Мы, братецъ, находимся сейчасъ въ Брестъ-Литовскомъ. Вотъ немножко оправимся, насъ дальше повезутъ въ Россію. Которые изъ насъ есть легко ранены, поѣхали прямо въ свои города, но мнѣ нельзя ходить, я остался подлечиться, и я

пріѣду, можетъ, въ Т., попрошусь, вездѣ всѣхъ отпускаютъ. Если я тебѣ, братецъ, пришлю телеграмму пріѣзжать за мной, то обязательно пріѣзжайте, что бы ни встало. Мама, пожалуйста, только не плачьте, мои раны не очень страшны, вылечатъ. Молитесь только Богу. Богъ дастъ, скоро увидимся и поговоримъ.

Вы спрашиваете, какъ меня ранило. Мы стали наступать въ 10 часовъ утра, шли по чистому полю, а австрійцы были въ окопахъ, они насъ завидѣли версты за полторы и стали стрѣлять по насъ, и мы не дошли саженъ полтораста, какъ тутъ меня ранила ружейная пуля. Я какъ разъ былъ посередь своихъ товарищевъ Павлова и Щукина, и мы съ Павловымъ разговаривали, дулъ вѣтеръ и снѣгъ, и вдругъ меня ранило, я лежалъ на брюхѣ и меня перевернуло на бокъ. Павловъ видитъ, что меня ранило и сталъ спрашивать;—что, ранило?—Я говорю:—ранило,—гдѣ—не знай, не чувствую, а рука моя не поднимается, не знай въ руку, не знай, въ плечо. И Павловъ закричалъ:—Щукинъ, Щукинъ, Зиновьева ранило. Щукинъ оглянулся и сталъ говорить:—Прощай, братъ, прощай. И стали меня посылать назадъ. Когда я поползъ назадъ, они долго глядѣли и все только говорили „прощай“ и сказали только, что напиши письмо намъ изъ госпиталя. Это я помню все, какъ сейчасъ, такъ и тогда. Рана моя теперь зажила, повязки нѣтъ. Если попаду скоро на комиссію, то, навѣрно, на сколько нибудь пустятъ домой, потому что у меня раздробило кость немного. Доктора ничего не говорятъ, такъ что Богъ знаетъ, увидимся или нѣтъ, этого я вамъ сказать не могу.

Я въ настоящую войну живъ и здоровъ, но не очень здоровъ. Ноги болятъ, ознобилъ. Я вамъ разскажу, какъ мы заступили въ бой 1-го февраля сего года и 7-го февраля. Мы наступали на германцевъ отъ двухъ часовъ дня. Съ утра былъ дождь, а часа въ 4 очень сильный морозъ ударилъ. Когда мы шли на врага и сошлись на штыки со врагомъ, мы ихъ очень много покололи, я и то человѣкъ 6 закололъ. Вотъ я какъ-то проразинѣлъ, меня одинъ германецъ-нѣмецъ и сунулъ штыкомъ. Я раззвѣрился, какъ далъ ему затылкомъ приклада и разбилъ ему всю голову вдребезги. Потомъ я еще закололъ 4-хъ германцевъ и обезсилилъ, и

упалъ, и не могъ я ничего сдѣлать. Я поползъ обратно къ своимъ окопамъ, непріятель замѣтилъ и изъ орудій снарядомъ трахнетъ по мнѣ, ну, немного сдѣлалъ перелетъ, я и не помню, какъ со мной было, я очнулся часовъ въ 5, было еще свѣтло. Я только что выковырилъ изо рта землю со снѣгомъ, и какъ онъ замѣтилъ, опять снарядомъ, я потомъ очнулся уже темно, ему было незамѣтно. Гляжу, голову поднялъ, впереди меня лежитъ на 6 частей разорванъ, по сторонамъ кто-то пополамъ, а у кого и головы нѣту. И я думаю, и я вамъ буду товарищъ, я не могу никакъ поворотиться на сторону, весь замерзъ, раньше былъ мокрый, а тогда замерзъ весь. Слышу, кто-то ходитъ и слышу русскій разговоръ. Вскрикнулъ:—братцы, возьмите меня, Христа ради, православнаго воина! Они сказали—сейчасъ придемъ. Я ждалъ ихъ больше часа, думаю—пропалъ совсѣмъ, конецъ. Тутъ подошли ко мнѣ два санитара и унесли меня на носилкахъ на перевязочный пунктъ. Я отправленъ въ городъ Витебскъ, лежу въ госпиталѣ, рана уже моя зажила и какъ будто ничего не было, но ноги мои болятъ, очень простудилъ шибко, получилъ ревматизмъ. Доктора говорятъ—вылечимъ. Полегче немного стало.

7-го марта, передъ обѣдомъ, мы пошли въ наступленіе на сопку, то-есть на гору, а на другой день, послѣ обѣда, меня ранило разрывной пулей и разорвало мнѣ лѣвую ладонь и чуть не убило до смерти снарядомъ, который разорвался въ воздухѣ, и стаканъ снаряда упалъ около меня два шага и воздухомъ посадило меня на ж... Здѣсь людей не хватаетъ за ранеными ходить, можетъ быть, отправятъ въ Россію. Остаюсь живъ, но нездоровъ, вамъ желаю добраго здоровья.

Посылаю вамъ, моя мамаша, свое сыновнее почтеніе и сердечный привѣтъ. Вы, мама, не плачьте, не только я одинъ лежу, есть еще хуже меня, лежатъ безъ обѣихъ ногъ и то ничего, а у меня только одной нѣтъ, а какъ выздоровлю, то будетъ ничего, какъ Богъ дастъ.

Меня ранило въ штыковой атакѣ, ночью, въ лѣвую руку ниже локтя и сломали кость. Ну, теперь, слава Богу, кость стала

сростаться, и рана скоро заживетъ. Ты не пожалѣй бумаги, напиши мнѣ, а то знаешь, милый мой, такая тоска, такая печаль легли въ мою душу, что я никакъ не могу ее сбросить. Войди въ мое положеніе,—одинъ, среди чужихъ, далеко отъ родного очага, да въ добавокъ больной человѣкъ. Навѣрно, покажется тяжело.

Беру перо въ руки, пишу письмо отъ скуки. Почему вы такъ долго не шлете мнѣ, я отъ васъ не получалъ писемъ два мѣсяца. Здоровье мое лучше. Какъ ни трудно, а умирать всетаки прежде времени не охота, а желательно умереть на полѣ битвы съ пользой для отечества.

Спѣшу я увѣдомить дорогого своего многоуважаемаго родителя батиньку въ томъ, что меня, батинька, ранили 1-го мая въ 12 часовъ ночи. Мы очень сильно наступали, нѣмецъ былъ въ деревнѣ, мы его стали выгонять изъ этой деревни, онъ это время зажегъ эту деревню, намъ нельзя было въ ней держать позицію, потому она горѣла, мы выступили за деревню, успѣли мы вырыть окопы и открыли сильный огонь. Это время меня ранили нѣмцы, мнѣ стало досадно, я это время уладилъ еще окопъ. А они, проклятые, стали опять на насъ наступать. Намъ было это время хорошо прицѣлъ брать, я это время дѣлалъ себѣ перевязку, потомъ сталъ въ нихъ стрѣлять, выпустилъ я 30 патроновъ, неизвѣстно, сколько ранилъ, ввиду моемъ убилъ 7 человѣкъ, имъ тоже моя рана даромъ не пришла. Они это время стали утекать въ лѣсъ. А наша батарея стала имъ въ догонку стрѣлять. Ну, я это время убѣжалъ на перевязочный пунктъ.

Еще я васъ увѣдомляю, дорогія Груша и Мамаша, и любящія мои дѣтки, я раненый пулями въ двухъ мѣстахъ. Одна пуля попала въ животъ, ну, ничего не повредила, попала вдоль живота по поверхности, взошла въ грудницу и вышла около пупка, а вторая пуля попала въ ногу, тоже въ мякоть, около гачи. Всетаки, слава Богу, раны не опасныя, ногой немного хожу. Еще у меня расшибло пулей, которая попала въ ногу, 9 рублей денегъ. Только

было получилъ жалованье и ихъ расшибло, и кошелекъ весь расшибло, у денегъ остались однѣ кромки, и я ихъ отдалъ Лугину, чтобы онъ заявилъ командиру полка и, можетъ, выдадутъ другія, и если онъ будетъ живъ, то онъ выхлопочетъ и пошлетъ вамъ, ну, а не будетъ живъ, то Богъ съ ними, вишь, не владѣть. Благодарю Господа Бога, что спасъ меня, я нечаялся быть живъ. Мы ходили наступать ночью, а утромъ стали отступать и меня ранили въ 5 часовъ утра и лежалъ до 11 часовъ ночи, да былъ дождикъ и неперевязанный, ну, благодаря я былъ одѣтый въ шинель, шибко не прозябъ. И только смерклось, думаю, сейчасъ за мной придетъ кумъ Николай, я ему наказывалъ, когда пробирались мимо меня солдаты, и я наказывалъ, чтобы онъ пришелъ вечеромъ, если онъ живъ. Ну, вотъ онъ только собрался, говоритъ, и взялъ солдатовъ, ну, германецъ сталъ стрѣлять, и они назадъ, а я вотъ-вотъ придутъ. И вотъ началась стрѣльба, стали стрѣлять наши изъ пулеметовъ, а германецъ сталъ изъ орудій. Ну, я думаю, теперь добьютъ. Ну, скоро затихла стрѣльба, и я всталъ и попробовалъ, не могу-ли итти самъ. Ну, итти можно, а итти боюсь, убьютъ свои, и вижу наши санитары забираютъ раненыхъ. Я всталъ и пошелъ, и пошелъ потихоньку, и дошелъ до окоповъ, и возблагодарилъ Бога. И Лугинъ тутъ же бѣжитъ, а я уже пришелъ. И онъ мнѣ принесъ чаю и попоилъ чаемъ и отправилъ. Я нахожусь еще на поѣздѣ, а когда попаду въ лазаретъ, тогда я вамъ пришлю еще письмо.

Моя рука правая зажила совсѣмъ, такъ что вреды нѣтъ, а лѣвая, какъ была, такъ и теперь находится, какъ и не было ничего. Какъ бы больше не пришлось быть раненому, то слава Царю Небесному, можно бы работать, но воля Божья, придется быть живому, или нѣтъ, видно—не какъ намъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Господь Богъ, по своей милости къ намъ, грѣшнымъ, посылаетъ и даетъ здоровье и терпѣніе, какъ ни трудно быть въ бою, но все равно, какъ нѣтъ нешто, какъ вылѣзешь на крутую гору, устанешь, заморишься, но отдохнешь, позабудешь—опять, Катя, васъ любить будешь.

Вотъ я вамъ, тятя и мама, пишу, что я нездоровъ, болятъ ноги, очень здорово болятъ, и я теперь нахожусь въ госпиталѣ

въ городѣ Островецъ. Може, заживутъ скоро, а то отправятъ въ Москву. Еще, тятя и мама, очень я объ васъ скучился, очень здорово. Охъ, тятя и мама, когда мы увидимся съ вами.

Ѣду въ Москву и, можно сказать, доѣхалъ до Москвы, осталось ѣхать 100 верстъ, и я сталъ дорогой писать вамъ письмо. Когда ѣхали, то намъ дорогой давали бѣлый хлѣбъ, бумагу, конверты, бѣлье, мнѣ дали рубаху, кальсоны, все добры люди даютъ намъ. Не думалъ я и не чаялъ, что я побываю въ Россіи. Въѣхалъ я въ Россію, будто какъ домой пришелъ. Охъ, тятя и мама, думаю я себѣ, какъ бы домой побывать. Какъ я пріѣду на мѣсто, то я вамъ опять пришлю письмо.

Еще, милы мои родители, послалъ я вамъ письмо, не знай, получили, чего-то ко мнѣ не ѣдете въ гости, не знай усердились на меня, а я васъ въ письмѣ звалъ къ себѣ. Ну, тятя и мама, если вы ко мнѣ не пріѣдете, то мнѣ очень будетъ грустно. Неужели вамъ меня не жалко, а мнѣ васъ очень жалко. Лежу я уже въ К. недѣлю и все жду васъ каждую минуту, а васъ нѣту. Если вы не пріѣдете, то выздоровлю, отпрошусь домой и приду самъ побывать, а если не пустятъ, тогда ладно, ничего не сдѣлаешь. Охъ, тятя и мама, пріѣзжайте ко мнѣ, пожалуйста, и мнѣ будетъ легче.

Сижу отъ скуки, беру перо въ руки и давай писать милымъ моимъ родителямъ. Дорогой мой тятенька, очень я васъ благодарю, что ко мнѣ пріѣхали и очень я радъ, что увидалъ васъ, а когда я васъ проводилъ, и мнѣ было чего-то грустно, и будто я васъ какъ во снѣ видалъ. Когда вы уѣхали, васъ очень хвалили. Охъ, какіе у тебя тятя съ мамой люди хороши, отецъ-то у тебя, видно, смирный, а мама-то очень жаллива, ты, видно, у нихъ сынокъ-то былъ хорошій, и они тебя очень жалѣютъ. Мы такихъ людей мало видали. Они сѣли около меня, мнѣ и говорятъ, это надзирательница, которая говорила—у меня сынокъ на войнѣ,—она очень хвалила, да всѣ хвалили. Ну, говоритъ, Степанушка, и ты ихъ не забывай, посылай имъ чаще письма и пиши мамѣ поклоны, потому

что они тебя очень жалѣютъ. А мнѣ очень скучно и все думаю, какъ бы побывать дома.

Меня записали на комиссію, а потомъ по телефону передали отставить и отставили, теперь недѣльки двѣ еще полежу. Тятя и мама, мнѣ очень хорошо лежать. Была ванна, надзирательница рубаху дала очень хорошу, можно дома въ церкву ходить. Она очень жалѣетъ меня, а мнѣ стало лучше, я теперь, слава Богу, живу. Тятя и мама, пришлите мнѣ письмо, какъ вы пріѣхали домой, какъ васъ встрѣтили, мнѣ охота узнать. Ну, тятя и мама, до свиданья, дай вамъ Богъ всего хорошаго, какъ я васъ увидалъ, такъ мнѣ и легче стало. Ну, было мнѣ плохо, а Господь увидалъ, что мнѣ плохо и далъ хорошую жизнь. Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море. Если придется ѣхать на позицію, то я надѣюсь на Господа Бога. Былъ въ бою, Богъ сохранилъ, стало быть, судьба такая, я нисколько не боюсь, а только все думаю— Ты, Господи, Царица Небесная, спаси меня, грѣшнаго. Охъ-хо-хо, приходитъ праздникъ да невеселый. Я думаю, что лучше полежу еще, а то очень холодно на дворѣ, все равно не пустятъ домой-то, очень плохо пускаютъ.

На родину письмо Угорчѣнія. Я пишу вамъ, любящая супруга Феня, свое несчастіе, я очень обиженъ. Коня моего поранили, 12 ранъ получилъ, не знаю, что будетъ съ конемъ моимъ, я сейчасъ нахожусь въ лазаретѣ съ лошадью вдвоемъ, лечу лошадь. 13-го числа это было. Но, вѣрно, Матушка Владычица защитила меня отъ погибели, не знаю, что будетъ дальше, не знаю, сколько пробуду съ лошадью въ лазаретѣ. Молитесь Богу. Господь спасъ меня, но трудно было терпѣть эту минуту, когда конь мой страдалъ, слезы текли объ конѣ, жалко. Живъ-ли товарищъ конь мой будетъ—неизвѣстно.

ПРАЗДНИКИ НА ПОЗИЦІИ.

Дорогіе сродники, издалека спѣшу поздравить васъ съ храмовымъ нашимъ праздникомъ Святителя и Чудотворца Николы Мирликійскаго, и желаю я вамъ встрѣтить и проводить этотъ

праздникъ въ добромъ здравіи и благополучіи, но я не вижу ни одного праздника, да не только праздника, я не знаю, какіе проходятъ дни. Въ этотъ великій для насъ праздникъ я прошу васъ, дорогой сродничекъ, помолитесь великому Угоднику и теплому Молебнику и скорому Помощнику въ скорбяхъ и нуждахъ Святителю Николѣ, чтобы возвратиться мнѣ съ этого кроваваго побоища на родину и повидаться съ вами.

Прошу васъ, Алексѣй Ефимовичъ, не будетъ меня въ храмѣ Божіимъ, прошу и умоляю, отложите къ одному мѣсту въ уголокъ 20 свѣчекъ по 3 коп., зажгите во время обѣдни мою свѣчу предъ иконой Божіей Матери, гдѣ бы я ни былъ, буду помнить своей душой, никто такъ не умолитъ, Мать Божія умолитъ Сына Своего, пожалѣетъ насъ, грѣшныхъ, и дѣтей нашихъ. Такъ сказано въ Писаніи Божіемъ—ни одна іота, ни одна черта не пройдетъ изъ закона Моего, все сбудется. Путь лежитъ мнѣ прямая, видно, придется пострадать.

Мнѣ писали товарищи, что гуляли плохо. Они гуляли плохо, а мы страдали тоже. Они писали, водки нѣтъ, только чай да табакъ, а у насъ здѣсь одна восьмушка стоитъ семь гривенъ, даже когда и рубль, и больше.

Еще я васъ поздравляю съ высокоторжественнымъ праздникомъ Рождествомъ Христовымъ. Вамъ приходитъ большой праздничекъ, а мнѣ приходитъ въ эти дни выгонка на германску границу, прямо на дѣйствіе съ германцемъ.

Многоуважаемая супруга моя Дуня, письма твои я получилъ въ сочельникъ вечеромъ, не такъ былъ радъ празднику, какъ твоимъ письмамъ. Дуня, какъ вы проводили праздникъ? А мы середь поля, въ землянкахъ. Навѣрно, може, помянули меня, Дуня, я очень радъ, что тебѣ хорошо живется, и пока ты ни въ чемъ не нуждаешься.

Теперь только, дорогое семейство, приходится встрѣчать праздникъ въ холодныхъ зимнихъ окопахъ, вспоминаю прежнюю жизнь, какъ дома живутъ, спишь въ хорошемъ домѣ, въ тепломъ, ляжешь, какъ хорошій баринъ, а здѣсь приходится не раздѣваться да съ часу на часъ дожидаешься смерти.

Поздравляю васъ, дорогія мои, родныя, милыя сиротки, съ Рождествомъ Христовымъ, желаю въ радости встрѣтить и проводить этотъ праздничекъ. Я думаю, что у васъ не очень будетъ радостно, потому что главнаго хозяина дома нѣтъ. Подумайте обо мнѣ, мои сиротки, прошу, помяните меня на праздникъ, пожалуйста.

Встрѣтили мы праздникъ Рождества Христова въ окопахъ. И какъ будто здѣсь и не праздникъ, да отчего можешь узнать здѣсь праздникъ, не слышно звону колокольнаго, не видно людей нарядныхъ, одни только солдатики въ сѣрыхъ шинеляхъ, и то живемъ на манеръ того, какъ мышки, выбѣжали изъ окопа да скорѣе прячешься. Взглянешь на востокъ, далеко не видно селъ и деревень, а взглянешь на западъ, саженяхъ въ 200-хъ германскіе окопы, слышно даже, какъ они пѣсни поютъ, играютъ въ гармоники и на пьянинѣ и видно, какъ ходятъ они по окопамъ. Бою покуда нѣтъ, только рѣдкая перестрѣлка.

Праздникъ проводимъ хорошо, но ничего не сдѣлаешь, видно надо терпѣть, но мнѣ ничего не жалко, только одно—вспоминаешь, какъ, бывало, играли мы въ святки. Конечно, война. Не одинъ я только такъ горюю, но милліоны народовъ. Затѣмъ приходитъ новый годъ, поздравляю я васъ, мама, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

Поздравляю я васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, и также праздникомъ Крещеньемъ Господнимъ, и желаю я вамъ радостно встрѣтить и проводить много другихъ праздниковъ. Да, жаль, дорогое мое семейство, что пришлось мнѣ проводить праздники въ разлукѣ съ вами. Вамъ, конечно, было грустно, а мнѣ,

конечно, еще груще вашего было. Проводили праздники Рождества Христова съ товарищами въ польской халупѣ, и колотили вшей и, конечно, поминали каждый про свою семью.

Праздникъ проводимъ въ окопѣ, но спокойно. Благодарю Бога, что сохранилъ до сихъ поръ, я не думалъ до сихъ поръ прожить.

Любящая супруга Даша, пишу я вамъ про свою военную участь. Въ старомъ году что было, то все забыто, но не знаю, какъ въ новомъ году. Буду жить, какъ Господь Богъ помилуетъ въ новомъ году. Молитесь и просите Господа Бога, чтобы Господь Богъ спасъ нашу молодую жизнь, молитесь и просите Бога и всѣхъ святыхъ угодниковъ, чтобы защитили и заступились за меня, грѣшнаго, я молюсь Богу каждую свободную мою минуту.

Встрѣчалъ праздникъ Рождества Христова очень даже плохо. Вышли въ 4 часа утра рыть окопы, пришли въ 9 часовъ вечера. Только и было еще—палили всю ночь. Весь праздникъ рыли окопы. Наше дѣло такое,—гдѣ горюемъ, а гдѣ распѣваемъ пѣсни. Ну, если все время горевать, то давно и живыхъ бы не было.

Дорогая моя маменька и дорогіе мои сроднички, встрѣчали вы свой торжественный праздничекъ Рождества Христова и Новый Годъ, еще приходитъ Крещеніе Господне, встрѣтите вы въ чести и въ радости, но я одинъ отъ сродниковъ нахожусь въ военномъ дѣйствіи. Навѣрно, собирались вы на праздникъ всѣ въ кучу, веселились, дожидались до Рождества Христова, но я поминутно дожидалъ смерти—вотъ убьетъ, вотъ ранитъ, только и ожидаешь ежеминутно.

Еще я не писалъ, какъ мы встрѣчали Рождество и Крещеніе. Въ сочельникъ вечеромъ къ намъ на позицію пришелъ попъ и отслужилъ молебенъ, пропѣлъ „Рождество“, тогда только мы

узнали, что завтра праздникъ, также и въ крещенскій сочельникъ, пропѣли „Во Іордани“ и святой водой покропилъ насъ, такъ же, навѣрно, встрѣтимъ и Свѣтлый Праздникъ.

(Дѣвочкѣ, приславшей рождественскій подарокъ). Здраствуй, дорогой маленькій другъ, шлю я вамъ съ далекой окраины свой солдатскій привѣтъ и желаю въ новомъ году всего наилучшаго, а главное мое пожеланіе, чтобы вы были здоровы и всегда веселы и перешли въ другой классъ, а теперь, мой маленькій другъ, прошу у васъ разрѣшенія васъ поблагодарить за тотъ драгоцѣнный подарокъ, который я получилъ отъ васъ, да, онъ, т. е. подарокъ, мнѣ очень дорогъ, потому что я чувствую въ немъ вашу искреннюю любовь къ Русскимъ Воинамъ. Дорогой другъ Оля, а мы здѣсь бьемся со врагомъ за васъ, за Вѣру, Царя и Отечество. Надѣюсь, что скоро настанетъ тотъ часъ, врагъ дрогнетъ подъ напоромъ русскихъ штыковъ и тогда вы, мой другъ, поздравите насъ, бойцовъ, съ побѣдой. Пишу это письмо въ окопахъ, сейчасъ 11 часовъ вечера, вы, навѣрно, укладываетесь спать, и я хотѣлъ бы, чтобы вамъ приснился хорошій сонъ, а я въ это время буду стоять надъ окопомъ съ винтовкой въ рукахъ и буду наблюдать за противникомъ, боясь, чтобы онъ не нарушилъ вашъ милый сонъ. Лети, листокъ, съ запада на востокъ и дайся тому, т. е. другу Олѣ моему.

Христосъ Воскресе! Затѣмъ увѣдомляю еще, будете розгавливаться, чего припасете безъ меня? Вамъ трудно, старымъ да малымъ. Може курица снесетъ яйцо—яйцомъ, а мы здѣсь на открытомъ полѣ будемъ розгавливаться пулями, хотя мы не заговлялись, весь великій постъ ѣдимъ мясо въ сутки разъ. Но и вамъ не праздникъ будетъ безъ меня.

Желаю вамъ встрѣтить и проводить этотъ Свѣтлый Праздникъ въ добромъ здравіи и душевномъ спасеніи и благополучіи. Желалъ бы я встрѣтить этотъ радостный праздникъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ, но судьба разрознила меня и отбросила въ чужую, дальнюю сторонушку, какъ меня, такъ и многихъ. Ни-

чего мы здѣсь не видимъ и не слышимъ, кромѣ грохота пушекъ, пулеметовъ и ружей, каждую минуту жди себѣ смерти. Приходитъ великій праздникъ, но намъ не знай, какъ придется—сыты будемъ или нѣтъ, живы будемъ или нѣтъ. На все, видно, воля Божія, только этимъ утѣшаемся, видно, такъ нужно Богу. Дорогой братецъ, посланный мнѣ вами гостинецъ я получилъ, за что васъ сердечно благодарю, за вашу добродѣтель ко мнѣ вознесетъ васъ Господь въ свое время. Седьмой мѣсяцъ мы не слышимъ колокольнаго звону и церковнаго пѣнія. И поздравляю васъ съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ.

Приходитъ Великій Праздникъ, но мнѣ его приходится провожать въ чужой, далекой отъ васъ сторонушкѣ, какимъ онъ намъ будетъ казаться труднымъ провести его, но Господь намъ поможетъ и сохранитъ наши трогательныя сердца думать о праздникѣ или о домѣ. Въ настоящее время я, слава Богу, живъ и здоровъ, все хорошо покамѣстъ.

Свернись мое письмо клубочкомъ и лети сизенькимъ голубочкомъ, лети, лети, взвивайся, а въ руки никому не давайся, а дайся тому, кто дорогъ и милъ сердцу моему. Сегодня я встрѣтилъ торжественный праздникъ Пасху, пришлося встрѣчать въ окопѣ, на позиціи, но было намъ не очень такъ весело, солдатики многіе проплакали, воспоминая свою дорогую для насъ родину и думая о своихъ женахъ и дѣткахъ, какъ вамъ придется тоже встрѣчать Пасху. Въ началѣ перваго часа раздалися орудійные выстрѣлы на позиціи, а мы вышли изъ окопа, и когда были пущены ракеты, тогда мы запѣли „Христосъ Воскресе“, по всему фронту было слышно пѣніе. Такъ же и германцы пѣли по своему и играли въ музыку. Послѣ этого время, съ нами христосовался ротный командиръ и давалъ намъ на праздникъ 3 ф. бѣлаго хлѣба и по яичку. Мы этимъ разговѣлись. Пока все еще хорошо, наши ходили въ гости къ германцамъ, и они къ намъ съ бѣлымъ флагомъ, человѣка по три. Они съ нами близко, шаговъ на четыреста. У насъ говорятъ, скоро миръ будетъ, такъ и германцы говорятъ.

Я встрѣтилъ торжественный праздникъ, но не очень весело, такъ, что пришлось, по милости Божіей, провести три Христовыхъ праздника на чужой сторонѣ, на военной службѣ, но не какъ дома, чужая сторона очень скучливая и въ особенности въ большіе праздники, но нечего дѣлать, видно, такъ надо какъ нибудь проживать, какъ Богъ велитъ, надо еще послужить, сколько придется.

Особенная моя просьба къ тебѣ въ эти великіе дни вознести твои горячія молитвы къ Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ. Въ эти великіе дни, быть можетъ, я буду находиться лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, и Господь услышитъ твои молитвы, сохранитъ меня отъ вражьей пули и штыка.

Вотъ уже Свѣтлый Праздникъ. Вы приготовились, помылись въ банѣ, а я здѣсь далеко, въ заброшенной, несчастной Польшѣ, среди чистаго поля, въ грязныхъ окопахъ. Вотъ пришелъ Свѣтлый Праздникъ, у васъ тамъ гдѣ-то на родинѣ пойдетъ колокольный звонъ, и у насъ здѣсь его не услышишь, только придетъ священникъ и пропоетъ „Христосъ Воскресе“.

Въ 12 часовъ ночи австрійцы начали пускать феверки, и потомъ пѣніе послышалось. Передъ этимъ, какъ имъ пѣть молитву, сперва былъ сигналъ, мы слушали, молчали, огня не открывали. Потомъ начинаемъ мы. Ротный командиръ пустилъ ракету, другую и третью, послѣдняя ракета угодила далеко на ихъ сторону, и тутъ начали пѣть молитву, встрѣчать Іисуса Христа— „Христосъ Воскресе“. Они, должно, напугались, стали стрѣлять изъ ружей, повторили феверкой освѣтили и прекратили стрѣльбу, должно, поняли, что мы дѣлали. И тутъ разошлись, вскипятили котелокъ кипятку и стали розгавливаться: одно яйцо, фунтъ кулича, потомъ начальникъ команды купилъ отъ себя пироговъ, тоже по фунту обошлось на человѣка, потомъ среди Святой недѣли получили фунтовъ по 6 на человѣка, потомъ пришли жертвованные подарки купеческіе и отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, нельзя описать всѣ подарки, очень много.

На позиціи идутъ игры, музыки, и поютъ пѣсни, мы и германцы.

Интересныя наши новости, Никита Степановичъ. Я ходилъ христосоваться съ нѣмцемъ, даже насъ ходило 10 человѣкъ, и я былъ за старшова и навязалъ на палочку носовой платокъ и показалъ три раза нѣмцамъ изъ окоповъ. И начали съ Богомъ изъ окоповъ вылѣзать, и я взялъ коровай хлѣба и всѣ остальные взяли по банкѣ консервовъ и по парѣ яицъ и пошли христосоваться. И подходимъ до середи позиціи, и нѣмцы съ крикомъ ура выбѣгаютъ изъ окоповъ, и клали руки подъ козырекъ, и подбѣгая къ намъ, говорятъ русское Христосъ Воскресе, и ихъ выбѣжало около 40 человѣкъ, и, конечно, имъ начали все это давать, и они намъ руки цѣлуютъ и принесли намъ двѣ бутылки коньяку и угощали насъ сигарами и занимались съ нами разговорами, и разгуливались середь позиціи, и ихъ офицера просили нашихъ офицеровъ гулять, но наши офицера не пошли, и разошлись съ ними честь честью. Это дѣло было 28-го марта.

Покамѣстъ у насъ тишина и спокойствіе, праздновали у насъ праздники и у него тоже Пасха, другъ друга не стрѣляли. Мы праздничекъ встрѣтили всетаки по добру, по здорову, справили все благополучно. Всетаки большая скука намъ, стоимъ въ чистомъ полѣ, около насъ нѣту никого, однѣ только летаютъ вольныя птички, веселые жавороночки, посѣщаютъ насъ въ чистомъ полѣ. Народу вольнаго нѣтъ, только одни солдаты, христолюбивые воины. Ерманцы ходятъ съ бѣлыми флагами, просятъ насъ, что бы мы въ нихъ не стрѣляли. Ты, пожалуйста, больно не сумлѣвайся обо мнѣ, мое дѣло идетъ хорошо, слава Богу, мнѣ эта война нѣтъ нешто. На войнѣ нужно большую смекалку, да самъ будь не плохъ.

Въ праздникъ очень весело германцы играли въ гармонь, которые плясали, говорили про ее съ нами и, говорятъ они, скоро бы миръ надо, надоѣло. Штыки у нихъ, у каждаго, на поясу, какъ кинжалъ, съ обѣихъ сторонъ востры, ширины вершокъ, а длина подольше нашего. Онъ у нихъ, какъ стрѣлять, такъ скидатся. У каждаго на груди приколотый электрическій фонарь. Поговорили

съ ними и ушли скорѣе, а которы къ нимъ въ окопы слѣзли, а они ихъ не пустили, въ плѣнъ взяли.

Пасху провели спокойно, на отдыхѣ, но было очень скучно.

Сердечно благодарю за вашу посылку, я очень былъ радъ, это мы считаемъ, когда придетъ посылка, то мы считаемъ это за великій праздникъ. А то надоѣлъ казенный хлѣбъ. Еще почтеніе брату Кузьмѣ Филипповичу и очень благодарю его за этотъ рубль. Какъ только увидалъ этотъ рубль, такъ тутъ же накупилъ на весь яицъ, и тутъ была у насъ Пасха, весь сразу проѣли.

Дорогой мой крестный. Посылку вашу я получилъ—2 кулича, телятину, сушки, коробку меду и яица, спасибо вамъ за вашу память и доброту. Дорогой мой крестный. Насколько я благодаренъ, радъ и веселъ вами, для меня великій подарокъ. Созвалъ я своихъ товарищей, сидимъ въ кружкѣ, кушаемъ, веселимся и радуемся, и благодаримъ васъ, хотя въ окопахъ, но отрадно. Спасибо вамъ, дорогой мой крестный.

Мнѣ на Пасху достался жертвованный платочекъ отъ Государыни Александры Ѳеодоровны, буду беречь его дорогой своей дочкѣ Настенькѣ, и яичко такое пестрое и трубку. Могъ бы я послать тебѣ, братецъ, трубку, у меня ихъ три тепереча, одна жертвована, одна германска, другая австрійска, могъ бы любую послать тебѣ теперь.

Еще увѣдомляю васъ, дорогіе родители, что я послалъ вамъ дорогой мой подарокъ—платочекъ, который намъ подарила Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Этотъ подарокъ очень дорого стоитъ для памяти. Если его получите, то поберегите для памяти этой войны. Если получите мой платочекъ, то пишите поскорѣе, я все думаю, чтобы онъ у меня не пропалъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ РОДИТЕЛЯМЪ.

Дорогіе мои родители. Охъ, очень я объ васъ скучился, были бы крылышки, улетѣлъ бы я къ вамъ домой, хотя бы на одинъ часъ побывать дома, поглядѣть васъ, и мнѣ было бы легче. Я вамъ посылалъ два письма вотъ уже съ войны, а вы мнѣ ни одного, эдакъ мнѣ не сходно посылать, немного обидно.

Дорогой мой родитель. Прошу, передайте въ моленную по низкому поклону. Прошу, простите, Христа ради, благословите, Христа ради. Дорогой мой родитель, прошу, помолитесь молебенъ въ моленной Пресвятой Госпожѣ Богородицѣ и Николѣ.

Ѣхали мы на машинѣ трое сутокъ. Не думалъ я этого, что надо забывать соху, борону и малыхъ дѣтей, и пришлось ѣхать на чужую сторону. Не заботьтесь обо мнѣ, а заботьтесь о себѣ. Остаюсь живъ и здоровъ.

Дорогой тятенька, не бросайте мою жену и моихъ малыхъ дѣтушекъ безсчастныхъ и, можетъ быть, Богъ дастъ живому остаться, то опять пойдетъ по прежнему. Ну, а если убьютъ, прошу, батенька, отдайте мою часть полностью моей женѣ и дѣтямъ, ну, а если не дадите, то Господь вамъ не потерпитъ, не обижайте, батенька, безщастныхъ моихъ дѣтушекъ, такъ что только не думается вернуться въ живыхъ домой, поэтому-то я вамъ и предписываю.

Дорогіе мои родители, письмо ваше получилъ, за что благодарю, и видно изъ письма, что брата Порфирія взяли на службу, это печальная новость, но что же дѣлать, терпите, видно, судьба предназначена для всѣхъ насъ, братьевъ, и, можетъ быть, всѣ положимъ свои головы на полѣ брани, и не придется посмотрѣть вамъ, родителямъ, на насъ. А въ общемъ, не журитесь, побѣдимъ врага, вернемся на родину.

Любезные и дорогіе мои родители папаша и мамаша, пришлите мнѣ свое благословеніе, которое можетъ существовать по гробъ моей жизни, пришлите мнѣ крестикъ въ письмѣ.

Извините, дорогой батюшка, долго я вамъ писемъ не посылалъ, я былъ въ бою два мѣсяца, повидалъ холоду и голоду, и всѣ страсти, каждую минуту ждалъ себѣ смерти. А васъ прошу, получаете способіе или нѣтъ? Еще прошу я васъ, чего моя супруга родила, пропишите, мнѣ охота знать.

8-го числа получилъ я изъ дому письмо. Господи, какъ я радъ получать вѣсточки изъ дому. Не мило мнѣ все на свѣтѣ, когда не вижу хоть одинъ конвертикъ на мое имя. Получилъ утромъ, а мнѣ въ эту ночь привидѣлись бѣлы поросята. Когда я проснулся, я подумалъ: навѣрно, придетъ мнѣ письмо, какъ разъ и отгадалъ, утромъ фельдфебель несетъ мнѣ письмо.

Дорогая мама, въ извиненіи къ вамъ, развѣ можно такъ думать и горевать такъ, чтобы лишиться своего здоровья. Это намъ вообще ничего не поможетъ, что мы будемъ другъ про друга думать и горевать. Эдакъ будемъ думать, самимъ будетъ хуже съ думки, даже и отъ Бога будетъ грѣшно, а надо только на Господа Бога надѣяться и прибѣгать къ Нему въ скорбяхъ нашихъ, что бы Онъ своею милостью помогъ намъ въ нашей печали. Пожалуйста, мама, будьте спокойны своимъ сердцемъ, а думать напрасно нечего, вотъ я четыре мѣсяца съ половиной былъ въ бою, но Господь сберегъ меня. Господь ко всѣмъ намъ, грѣшнымъ, милостивъ. Благословеніе ваше я получилъ, которое вы мнѣ послали въ письмѣ, за которое сердечно благодарствую васъ, только онъ (крестикъ) изломался пополамъ.

Стоимъ мы все на одномъ мѣстѣ, дѣловъ мнѣ нѣту, жить хорошо, только пью да ѣмъ, но вотъ скучно. Милый мой тятенька и мила моя мамынька, очень я объ васъ скучился и жалко мнѣ васъ, остались вы у насъ одни, и все время думаю я, тятя и

мама, може Царица Небесна оставитъ насъ живыми, а мы прiѣдемъ домой, и будетъ лучше, и ваше сердце успокоится.

Я живу покамѣстъ хорошо, что будетъ дальше, дѣло военно. Сами знаете, нонче такъ, а завтра эдакъ. Прошу васъ всѣхъ, чтобы вы поминали въ ежедневныхъ вашихъ молитвахъ скорую побѣду надъ врагомъ и тогда, по милости Божiей, вернусь въ свой родной очагъ и разскажу я вамъ про свое житье-бытье. Боевъ у насъ большихъ нѣтъ, только идетъ орудiйная перестрѣлка, только другъ друга безпокоимъ, а попадетъ, такъ не помилуетъ, а, навѣрно, скоро будутъ бои.

Дорогiе мои родители папаша и мамаша, прошу я васъ, пришлите вы мнѣ свое благословенiе, потому что я это потерялъ, по поводу того, что безъ сознанiя былъ больной и растерялъ. Еще прошу, дорогiе родители, воспретить моему сыну Аркашѣ, чтобы онъ былъ посмирнѣе, не обижалъ свою маму. Мнѣ супруга говорила, послѣ моего отъѣзда дочери стали обращаться лучше, такъ вѣдь и нужно. Пожалуйста, это дѣло водворите, повиновенiе Аркаши. Вы сами знаете, мое несчастное сердце бьется, какъ птичка въ клѣткѣ, но нѣтъ ему ходу улетѣть.

Забылъ прописать. Вы говорите, нужны-ли деньги. Нѣтъ, не надо, я могу обойтись безъ нихъ. Не вздумайте, въ самомъ дѣлѣ, продать хлѣбъ на мои расходы, а на свое—тогда, что хотите дѣлайте. Новостей къ вашему любопытству у насъ нѣтъ никакихъ.

Я вашу вѣсточку получилъ сразу два письма. Конечно, скорѣе сталъ читать, и отъ радости у меня брызнули слезы изъ глазъ, очень вы меня обрадовали, даже и не могъ эту ночь крѣпко уснуть, все занимался разными мечтанiями, чего только я ни придумывалъ и ничего не могъ выдумать и на томъ остался.

Вашу посылку я получилъ 10-го числа, за которую я васъ благодарю и большое вамъ спасибо. Ну, теперь, слава Богу, бѣлье

ѣсть, выдали намъ теплыя рубашки и теплые кальсоны, я очень радъ былъ этой посылкѣ, я вечеромъ помылся и надѣлъ сатинетову рубаху, какъ разъ въ субботу. Еще я получилъ новы брюки, теперь я въ полной исправности. Еще разъ, дорогая мамынька, шлю тебѣ спасибо за твое стараніе, цѣлую я тебя, мама, за это 1000 разъ. Очень мнѣ, мама, жалко тебя. Если останусь живымъ, я тебѣ за это куплю хорошій сарафанъ.

Увѣдомляю васъ, дорогіе родители, что меня назначили на позицію, скоро угонятъ. Я самъ пожелалъ итти, здѣсь надоѣло быть, да пріѣдешь домой послѣ войны,—ты, скажутъ, войны не видалъ, ты, скажутъ, бабъ караулилъ. Писемъ мнѣ пока не пишите, я напишу, на какой фронтъ насъ угонятъ.

Дорогіе и уважаемые мои родители батюшка Яковъ Ивановичъ и мамынька Пелагея Никитишна, посылаю я вамъ низкій поклонъ и пишу я вамъ о себѣ да о своемъ житьѣ-бытьѣ. Находимся мы теперь на позиціи, про васъ, родители мои, вспоминаю и свидѣться съ вами желаю. Вотъ побьемъ мы нѣмца—труса, и домой я къ вамъ вернуся. Увѣдомляю я васъ, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ отъ души желаю. Былъ у насъ бой, и даровалъ намъ Господь Богъ побѣду, остался я живъ и здоровъ. Храбрые ребята—русскіе солдаты, намъ плевать на пули и гранаты, мы стрѣлки искусные, какъ прицѣлимся, такъ нѣмцы, какъ снопы, валятся, у ихняго Вильгельма усы-усища крутятся, а съ горя умъ-разумъ его мутится, солдатъ своихъ туда и сюда шлетъ, нашъ братъ ихъ всюду кладетъ. И разскажу я вамъ, уважаемые мои родители, какъ придется вернуться домой, плохо приходится нѣмцу отъ насъ да и по дѣломъ ему, пускай знаютъ, съ кѣмъ дѣло начинаютъ, хотѣлъ онъ насъ разбить и побить, а глядишь, уже бѣжитъ, такъ земля дрожитъ. Прошу васъ, дорогіе мои родители, напишите мнѣ вѣсточку, какъ живете да поживаете и еще убѣдительно прошу помочь моей супругѣ и приласкать и обогрѣть моихъ милыхъ дѣтокъ, Христа ради прошу васъ, батюшка, позаботься на счетъ избы, чѣмъ можешь, наставь ея женской головѣ уму-разуму. Эхъ, вотъ служба, такъ служба, не забудешь эту службу долго. Очень трудно стоять ночью на посту,

льетъ сильный дождь, а ты стоишь, не бросишь свой постъ, промочитъ всего до ниточки, дрожишь. Снимутъ съ поста, опять въ окопъ. Выдали намъ на праздникъ гостинцы, подарки. Очень благодаримъ, что не забываютъ насъ въ окопахъ на позиціи. Очень хочется съ вами повидаться. Чего-то, только засну, то сны вижу нехорошіе. Писалъ въ окопѣ, стало потеплѣе, дни ясные, поютъ жавороночки, на воздухѣ летаютъ, а мы все равно, какъ въ какой землѣ.

Я ваше письмо получилъ и вашъ дорогой гостинецъ-посылку, за которое я васъ, милый мой тятенька и дорогая мамынька, благодарю и большое спасибо. Я ее получилъ на другой день Пасхи, она пришла очень во время, я ужъ не знай, какъ васъ и благодарить, очень доволенъ вами, какъ ушелъ на службу, вы меня очень не забываете, сколько разъ вы мнѣ присылали денегъ, и я радуюсь, какъ меня тятя съ мамой жалѣютъ. Какъ я буду вамъ за это платить. Ну, дай Богъ вамъ доброе здоровье, буду живъ, всѣ послѣдніе силы свои положу, а вамъ заплачу. До службы я былъ еще дурачекъ, думалъ—такъ и ладно. Пасха у насъ была хорошая, сухо и смирно. Это кто вамъ писалъ, я убитъ, это неправда, я живъ, слава Богу. Мама, будь спокойна.

Письмо съ военной службы. Беру перо въ руки, пишу письмо отъ скуки, перо мое мѣдно, пишу письмо слезно, а перо-то заскрипѣло, мое сердце закипѣло. Лети, письмо вверхъ орломъ, отвори дверь крыломъ и садись тятенькѣ и маменькѣ на плечà, и растрыкай ихи сердца. Дорогіе мои родители, увѣдомляю васъ, на нашемъ фрунтѣ стоитъ въ настоящее время затишье. Стрѣльбы нѣтъ, что будетъ неизвѣстно впереди, дѣло Божіе. Затѣмъ ѣздилъ къ брату Григорію въ Ивангородскую крѣпость и побывалъ у него два дня въ гостяхъ. Маненько навертывались на глазахъ у него слезы, но я его поддарживалъ и не велѣлъ ему духомъ падать, и все онъ мнѣ разсказалъ о домашнемъ положеніи и очень онъ мнѣ былъ радъ, и угостилъ меня хорошо и не зналъ, чѣмъ меня угостить, и за мной ходитъ. И проводилъ меня очень далеко и на прощанье опять взгрустнулъ и опять всетаки я ихъ поддаржалъ, ихъ духъ, и говорятъ, что тебя жалко, а у меня какъ

уже окрѣпло сердце, будто и нѣтъ нешто, по нашей упорной, несчастной привычкѣ.

Тятя и мама, получилъ я отъ Миши письмо, и у нихъ отпускаютъ въ отпускъ по случаю родителевъ. И вы напишите, что вы престарѣлы и желаемъ видѣть. Попросите написать свата Егора, онъ знаетъ, какъ написать на ротнаго, и онъ мнѣ пишетъ, если денегъ, говоритъ нужно, то я, говоритъ, пришлю.

Еще увѣдомляю васъ, дорогіе мои родители, что я доѣхалъ въ Москву благополучно. Пріѣхалъ, всхожу въ избу, Матреша и говоритъ—Семеновъ пріѣхалъ. Его благородіе выходитъ,—что, Семеновъ, съ тобой сдѣлалось, ты не заболѣлъ-ли? Я говорю—никакъ нѣту, насъ дорогой засталъ сильный буранъ, я не поспѣлъ на этотъ вагонъ сѣсть и ночевалъ въ С., вотъ и опоздалъ.—Это ничего, запоздалъ; я, говоритъ, испугался, гдѣ не утонулъ-ли или замерзъ гдѣ нибудь, все передумали, ну, теперь, говоритъ, слава Богу.—Посмѣялись и ладно. Сейчасъ мнѣ самоваръ и спрашиваютъ, какъ меня встрѣтили дома. Я говорю—покорнѣйше благодарю, Ваше Благородіе. Потомъ я далъ имъ масло, яблоки, орѣхи и булокъ. Они благодарятъ васъ за это и вотъ большое шлютъ вамъ спасибо. Затѣмъ шлетъ вамъ спасибо прислуга ихъ Матреша. Встрѣтили они меня—лучше быть нельзя. Такъ вотъ, тятя и мама, будьте спокойны. Потомъ баринъ говоритъ—завтра получишь новы сапоги. Онъ мнѣ ужъ припасъ. Потомъ мы ѣдемъ во вторникъ на позицію. Больше ничего, значитъ, мое дѣло хорошее, слава Богу, я было тоже боялся. Еще разъ повторяю, тятя и мама, что мнѣ опять жить стало по старому, это значитъ—хорошо, вотъ будьте покойны. Спасибо вамъ за ваши хлопоты, я вами доволенъ за ваши угощенія. Не обезсудьте на меня. Затѣмъ прощайте.

Сажусь я за столъ, и ставлю чернильницу на столъ, и опираюсь ногами подъ столъ, и беру перо я въ руки, и пишу письмо отъ скуки, и перо у меня затрещало, и сердце мнѣ что-то сказало, и лети, мое письмо, взвивайся, никому въ руки не давайся, а лети выше лѣсу и горъ, прямо къ родителямъ на дворъ, и въ окно

постучись, и ночевать попросись, и вы его поймайте и прочитайте, и мнѣ обратно вѣсточку дайте. Дорогіе родители, вы пишите мнѣ въ письмѣ, что бы я пріѣхалъ домой, но я признаюся вамъ душой, хотя меня и не пускаютъ, но всетаки я и не очень просился, хотя и была отпускная бумага, но ее отослали обратно. Такъ я подумалъ, что не стоитъ безпокоить васъ, хотя бы изъ С. я нанялъ, но изъ дома, я знаю, васъ пришлось бы безпокоить. Когда я уѣзжалъ, на службу, сколько принялъ изъ за меня муки братъ Тимоѳей. То я вспомнилъ и отставилъ ѣхать, безпокоить васъ. Рука моя писала, душа моя дрожала съ восторгомъ на губахъ, съ слезами на глазахъ. Перо, перо, покою проситъ, его рука моя не носитъ. Сестрѣ за конфеты благодарю, и сейчасъ во рту сладко. Напишите, какъ тятино здоровье, меня это безпокоитъ.

Дорогіе родители, прошу я васъ, вы обо мнѣ не думайте, мнѣ дастъ Богъ счастья и здоровья, одно только—молитесь Богу. Теперь и вы спокойны, братъ остался, и вамъ больше ничего не надо, только меня не забывайте, пишите почаще, хотя буду отъ васъ получать. А то жена меня навѣрно забыла, уже около трехъ мѣсяцевъ я отъ нея не получалъ письма, ну, Богъ съ ней, я очень не буду кланяться, ужъ покоряться ей не буду, пускай она мнѣ покорится. Навѣрно, что нибудь съ ней есть, только вы мнѣ не сказываете. Прошу васъ, вы ее не скрывайте. Ну, до свиданья. Остаюсь живъ и здоровъ, и вамъ желаю всего хорошаго.

КЪ ЖЕНѢ.

Увѣдомляю я васъ, что я нахожусь пока еще спокоенъ и всетаки и впередъ не видать опаснаго. Нашъ батальонъ стоитъ на обслуживаніи желѣзной дороги. Пашенька, прошу васъ меня не забывать, но и я васъ не забываю, ни одинъ часъ не спускаю съ ума своего.

Здраствуй, дорогая супруга Лукерья Васильевна, посылаю вамъ самое наилучшее пожеланіе, во-первыхъ, что дороже и необходимѣе всего на семъ свѣтѣ, это есть здоровье, въ особенности

вамъ, Луша, какъ несчастной пташкѣ безъ своего любимаго супруга провести эту горькую и несчастную участь. Я и самъ сознаюсь, что вамъ тяжко и грустно, но что же дѣлать, видно намъ судьба повелѣваетъ быть съ тобой въ разлукѣ, я и самъ не знаю, до коего время намъ придется такъ страдать, безъ сердечной нашей утѣхи, но воля Всевышняго Господа Бога, по Его милости быть можетъ что угодно. Только на Него надо уповать и надѣяться, что Онъ защитникъ нашъ отъ многихъ грѣховъ нашихъ. Вы сами знаете, что мнѣ тоже скучно, тяжело и грустно, но дѣлать нечего, видно, надо жить, не такъ, какъ намъ хочется, но какъ Богъ велитъ. Когда-бы плохо быть безъ всякой разлуки, только мало такъ-то приходится, не каждому человѣку, кому нибудь надо служить и воевать, но благодаря Господа Бога, что я нахожусь вотъ сколько время безъ всякой страсти и живъ, и здоровъ, но впередъ самъ не знаю, что будетъ дальше. Можетъ быть, скоро свидимся, теперь я нахожусь раненый, но благодаря Бога рана не опасная и легкая, но и впередъ не знаю, что будетъ, дѣла Божіи. Дорогая Луша, съ нетерпѣньемъ жду отъ васъ письма. Если бы ты могла сама писать и читать, то очень хорошо мнѣ было, но такъ что читаютъ и пишутъ люди, такъ писать вамъ нечего. Нѣту охоты тебѣ самой учиться, стало быть, не очень интересуешься, это плохо. Какъ получишь письмо, шли отвѣтъ поскорѣе.

Только было новую избу построили, только бы жить намъ съ тобою въ радости и веселіи,—Господь не привелъ, разлучилъ насъ съ тобою. Мнѣ васъ жалко, да ничего не сдѣлаешь. Поглядѣлъ бы на васъ сейчасъ хоть издали.

Феня, прошу я тебя, не тужи обо мнѣ, а то отъ этого можно померети, только молись Господу Богу. Если будете посылать посылку, пожалуйста, купите иконку Николая Угодника, я благословеніе потерялъ давно, безъ него очень плохо.

Дорогая супруга Лиза, я пока живъ и здоровъ, слава Богу. У насъ здѣсь погода плохая, снѣгъ, дожди. Лиза, деньги береги

за землю, жеребенка держи, если онъ на дѣлѣ. Лиза, если обойдешься, то овесъ не продавай, онъ до полтора рубля дойдетъ. Одежи намъ дали, не присылай, только нужны варежки да подвертки, а рубахи здѣсь бросаютъ. Лиза, купи замокъ, ворота запирай замкомъ. Сынокъ Ваня, скотину корми и на дворѣ убирай. Лиза, что имъ нужно изъ одежи, справь, а еще если лѣсу будутъ давать казеннаго, то бери, не отказывайся. Лиза, а сама береги себя, чтобы не простудилась, а то что будутъ наши дѣти дѣлать.

Отпишите мнѣ скорѣе, живы вы или нѣтъ. Мнѣ каждую ночь снятся сны очень вдумчливые, такъ что не могу забыть васъ, очень страшные сны. Еще спѣшу увѣдомить васъ въ томъ, что я принималъ прививку воспы, отъ тифа, пять дней лежалъ больной, а все думалъ про своихъ родныхъ, такъ что забыть не могу.

Цѣлую васъ, милая Саня и дочка Груня, нѣсколько тысячъ разъ очень сладкими и ласковыми поцѣлуями. Милая Саня, прошу, пожалуйста, молись Господу Богу, чтобы Онъ насъ съ тобой пожалѣлъ, и мы встрѣтились опять вмѣстѣ и стали бы опять проводить тѣ дни веселые, которые проводили раньше. Простите всѣ, пожалуйста.

По 15 ноября были все въ бою. Непріятеля сбили, переѣхали Вислу, чуть не попали въ плѣнъ, ну, всетаки Богъ спасъ, потомъ ѣхали все въ погоню за непріятелемъ. Покамѣстъ погода стоитъ хорошая, 6-го числа заморозило хорошо, а снѣгу еще нѣтъ. Какое стоитъ время у васъ? Какъ ты убрала хлѣбъ, какая цѣна на хлѣбъ, тепло-ли въ избѣ? Прошу тебя, какъ можно, сторожись съ огнемъ, трубу и подтопку замажь глиной, что развалилось; попроси родныхъ, чтобы шалашъ и погребицу оправили. Ребятамъ купи шапки и шарфы. Еще прошу васъ, молитесь Богу, чтобы Господь спасъ отъ непріятельской пули. Затѣмъ больше писать нечего.

Дорогая супруга Наталья Кириловна, несмотря на далекое разстояніе, которое отдѣляетъ насъ, мои мысли всегда съ тобою

и дорогими моему сердцу дѣточками. Прошу тебя, также дорогихъ моихъ дѣточекъ, поминайте меня въ ежедневныхъ вашихъ молитвахъ, дабы Всемогущій Господь сохранилъ меня невредимымъ. Не печалься, дорогая моя супруга Наташа, я знаю, что тебѣ безъ меня плохо, да и мнѣ тяжела эта разлука съ дорогими мнѣ дѣтками и съ тобой, дорогая моя, но, видно, Господь велѣлъ мнѣ защищать свое отечество, всегда и мнѣ скука страшная на моемъ сердцѣ, такъ бы и улетѣлъ къ вамъ въ родной край, чтобы прижать васъ всѣхъ къ своему сердцу. Сердечная моя просьба къ тебѣ, пиши мнѣ почаще письма, такъ какъ я живу твоими письмами, и они составляютъ для меня душевную радость. Дастъ Богъ, скоро настанетъ конецъ нашимъ врагамъ, и вся страна наша будетъ праздновать побѣду, тогда мы увидимся, дорогіе мои, и будемъ жить въ мирѣ и любви другъ къ другу.

Дорогая моя супруга Леня, выдали намъ теплыя кальсоны, теплую рубашку, лѣтнюю верхнюю рубашку, душегрѣйку, теплыя подвертки, потомъ выдали вещевой мѣшокъ и палатку, котелокъ, два патронташа, палку и колышекъ и фляжку для воды. Скоро все мы получили,—и команда подалась: вѣшай, братцы, на себя!— Тутъ ребята подхватились быстро вѣшать на себя. Не успѣли все повѣсить, подалась команда снова: становись, ребята, въ строй! Тутъ ребята подхватились становиться быстро въ строй. Не успѣли поровняться, подалась команда: смирно! Провѣряетъ офицеръ. Офицеръ насъ всѣхъ провѣрилъ, освободилъ насъ на два дня, а потомъ, ребята, смѣло всѣ мы въ бой пойдемъ, друзья на позицію какую, неизвѣстно намъ пока! Дорогая моя супруга Елена Александровна, жизнь моя всходитъ въ критическое положеніе, приходится проститься со всѣми и съ бѣлымъ свѣтомъ и приходится мнѣ забыть свою жизнь дорогую. Вспомню я, Леня, про тѣ часы, когда я клалъ въ тебя свои мечты и любилъ я, не бросалъ, но теперь такое дѣло, приходится забывать, но я всетаки не забуду, пока не буду я убитъ. Но если я буду тяжело раненъ, напишу я письмецо, прочитаешь, Леня, громко, чтобы слышалъ звуки я. Еще прошу я тебя, Леня, прости меня, Христа ради, можетъ быть, я тебѣ чего дѣлалъ плохого, или чѣмъ обижалъ, прошу у тебя прощенія.

Милая моя Дуня, я очень радъ, что у тебя хорошо идетъ дѣло, и еще больше радъ, что ты обшила избу, навѣрно, теперь красиво посмотрѣть, и благодарю я васъ всѣхъ за ваши труды, тебя, Дуня, батюшку и матушку, и не знаю, какъ ихъ отблагодарить за ихніе труды. Передай имъ мою благодарность и сердечное спасибо, спасибо. Я радъ, что ты обула и одѣла своихъ дѣтей. Почему ты не пропишешь, что себѣ изъ обуви справила. Только, Дуня, я тебя прошу, береги хлѣбъ, и деньги зря не изводи, пособія ты сколько получила и за сколько мѣсяцевъ? Милая моя Дуня, ты говоришь, что рѣдко шлю письма, какъ только можно, то и шлю. Другой разъ послалъ бы, да некуда, далеко почта. Милая моя душенька Дуня, ты обижаешься на меня, что я тебѣ не шлю ласковыхъ писемъ, мнѣ это обидно и грустно, а ты будь тѣмъ довольна, я напишу два слова—живъ и здоровъ. Бываютъ такіе дни, не знаешь, что написать. Не нужно, Дуня, гнѣваться на меня, а только надо молиться Богу остаться живому и здоровому.

Теперь стоимъ на отдыхѣ, скоро на позицію пойдемъ. Агаша, поглядѣлъ бы я на васъ и на милыхъ дѣтокъ, хоть подъ окошкомъ поглядѣлъ бы, чего вы дѣлаете. Я объ васъ соскучился, хочется съ вами повидаться да не пускаютъ. Агаша, тоже вы мнѣ снитесь часто, во снѣ сколько разъ былъ дома, дѣти ко мнѣ подходятъ, я тебя зову, а ты нейдешь ко мнѣ. Агаша, не ты одна маешься. Я знаю, что у бабы дѣло-то нейдетъ безъ мужика, но я на тебя надѣюсь, у тебя пойдетъ, ты баба-то не промахъ, ничего у тебя изъ рукъ не вырвется, все колесомъ пойдетъ.

Мнѣ теперь деньги не нужны, потому что ждемъ съ часу на часъ и съ минуты на минуту смерти. Мы теперь находимся въ бою уже 7 дней, такъ что, пожалуй, пишу вамъ послѣднее письмо. Бой былъ очень сильный. Вы, Маша мнѣ пишите, что вамъ кумъ Николай пишетъ о мирѣ, будто бы будетъ миръ, ну, это все напрасно, миру не будетъ долго еще, только самый разгаръ войны. Ну, только какъ вздумаешь объ васъ, и сердце коробомъ поведетъ, всетаки жалко еще жизни и жалко васъ, вотъ почему и жалко своей жизни, а то бы все равно и помереть. Прощайте. Можетъ, послѣдній разъ написалъ.

Прописываю я тебѣ, дорогая Наташа, про свою жизнь, что мы сейчасъ находимся въ окопахъ и всего только шаговъ на сотню отъ непріятеля. Теперича боевъ нѣту, но ожидаемъ очень сильныхъ боевъ. Дорогая Наташа, кто знаетъ, буду живъ или нѣтъ, это только одинъ Богъ знаетъ. Только прошу тебя въ томъ, что не бросай нашихъ дорогихъ дѣточекъ и засѣвай, старайся, хлѣбъ. Ну, а какъ наши пчелы, Наташа, живы или всѣ кончились, ты мнѣ про нихъ никогда ничего не прописывала. У насъ здѣсь время теплое давно, больше мѣсяца. Дорогіе мои дѣточки, ужасно соскучился я объ васъ, неужели судьба приведетъ, что мнѣ васъ больше не увидать? Молитесь Господу Богу, дорогіе мои, чтобы Господь меня спасъ отъ пули вражьей. Наташа, служи почаще панихиды объ родителяхъ, потому что я ихъ очень часто вижу во снѣ, чуть не каждый разъ, когда мнѣ приходится засыпать. Затѣмъ до свиданья, дорогіе мои.

Я сейчасъ нахожусь въ окопахъ, себя чувствую въ не особенно веселомъ духѣ. Боевъ сейчасъ нѣту. Дайте отвѣтъ поскорѣе, пропишите все, какъ вамъ живется, въ новомъ домѣ и хватитъ-ли стараго хлѣба до новаго и какое растеніе хлѣба и будетъ-ли что въ саду и кто будетъ обрабатывать полевую работу. Однимъ словомъ, не посылайте мнѣ письма съ недописаннымъ листомъ и шлите конвертъ и тогда получите сразу отвѣтъ.

Дорогая Феня, я очень встревоженъ вашимъ дорогимъ гостинцемъ, что вы меня не забываете въ моей участи. Минуту каждую стремлюсь къ вамъ, дорогая Феня, увидать васъ хоть одну минуту. Я и самъ знаю, въ какомъ положеніи вы находитесь, но судьба насъ разлучила съ тобой, но нечего дѣлать, молиться только надо Всевышнему Господу Богу, чтобы Онъ своею милостью къ намъ, грѣшнымъ, умилосердился надъ нами и соединилъ въ насъ одну мысль нашу, и молиться надо Заступницѣ нашей, чтобы Она заступилась за насъ отъ пули вражьей. Дорогая Феня, Господа Бога вспоминай и въ церковь ходить не забывай. Дорогая Феня, не могу про васъ забыть и стремлюсь крѣпче любить, только глухая полночь меня успокоитъ, умолкнутъ мысли о тебѣ. И деньги ваши получилъ, Феня, которыя вы мнѣ послали, сердечно благодарю за вашу услугу.

Дорогая Феня, въ забвеньи грустномъ нахожусь, каждый день въ разлукѣ съ вами, побывать я къ вамъ стремлюсь, но не

могу я къ вамъ попасть поговорить и приласкать. Третью Пасху мнѣ пришлось на чужой сторонѣ, что же дѣлать, вишь, судьба мнѣ такъ велитъ, на позицію манитъ. Не однимъ намъ только горевать, а насъ много, каждый стремится домой побывать, всѣ женаты, у всѣхъ жены дома остались, только Богу надо молиться, чтобы Богъ насъ не забылъ да германца побѣдилъ.

Писала ты, моя дорогая, насчетъ карточекъ, что бы я снялся. Я тебѣ разскажу, какъ въ военное время снимаются. У насъ здѣсь аппараты фотографическіе на колесахъ стоятъ, на лафетахъ, дулы длинныя; какъ щелкнутъ, такъ карточка полтора пуда летитъ и гудитъ, такъ что стекла летятъ, и земля дрожитъ и рвется на куски, и не дай Богъ подъ такой аппаратъ попасть. Это снимаются кто гдѣ нибудь въ тылу, не слышитъ выстрѣловъ, живетъ въ городу, а мы за 50 верстъ отъ городовъ. А молись Богу, чтобы Богъ помиловалъ, и будетъ карточка. Пиши письма сама, только не капай черниломъ, не замазывай буквы. Если букву пропустила, ладно, пускай такъ будетъ, а не поправляй, я все равно пойму.

Я Колиньку видалъ два раза во снѣ очень хорошенькимъ и здоровенькимъ и объ этомъ больно сумлѣваюсь, не боленъ-ли онъ? Мнѣ думается объ этомъ. Пропишите скорѣе.

Дорогая моя супруга Окся и дочка Матя, заочно цѣлую васъ нѣсколько тысячъ разъ очень сладкими и ласковыми поцѣлуями. Окся, люблю тебя всей душой, больше никакъ, люблю, люблю. Если война кончится, прослужу послѣдній годъ, осенью домой. Люблю тебя, Окся, благодарю на 50-ти копейкахъ.

Вы просите свѣдѣнія насчетъ обработки земли, этимъ вопросомъ я разбирался долго, въ виду того и ночь не спалъ. Вы, конечно, дома судите по домашнему, а я здѣсь думаю по военному. Родитель совѣтуетъ купить лошадь. Лошадь купить можно скоро, а только вопросъ, на что глядя. На меня вамъ пока надежды нѣтъ никакой. Я нынче живъ, завтра смерть, а то навѣки калѣка, потому я не знаю своей судьбы, которая впереди меня ожидаетъ. Мы всѣ, призванные здѣсь по состоянію этой жизни, всѣ согласны помереть, но судьба нами руководитъ, кому поме-

реть, кому быть раненому, кому остаться живымъ. Я присовѣтовалъ продать лошадь не отъ лишку и не отъ радости, а я знаю, какая у меня забота, а не то женщинѣ путаться съ ней, а самое лучшее подыскать человѣка обработать въ деньги, а если не придется, некому будетъ сдать, то пусть будетъ до того самаго времени, когда поѣдутъ пахать, тогда можно сдѣлать помочь, если братья откажутся, что покажется тяжело на двухъ лошадяхъ обработать, а если будетъ забота объ моей землѣ и усердіе, то за ихъ трудъ я заплачу, но прошу, моя дорогая, не печалься, не обращай на то вниманья, что у насъ тысяча смертей кружится надъ головами. Еще благодари Господа, что хранитъ меня отъ коварнаго врага и отъ лютыхъ пуль.

Дорогая супруга Мариша, такъ что были бы у меня крылья, то хоть на часокъ слеталъ бы къ вамъ на родину, да прижалъ бы васъ всѣхъ къ любящему сердцу моему. Не печалься, дорогая, я знаю, и вамъ тяжела да и мнѣ трудна разлука съ вами, но утѣшеніемъ является то, что Богъ и Царица Небесная сподобили меня защищать свое отечество, и вѣру, и царя. Первая просьба моя къ вамъ, дорогая супруга и милыя дѣтки, не забывайте про меня и молитесь Богу за меня, вы сами знаете, что кромѣ васъ у меня нѣтъ никого ближняго, и что у меня на васъ вся надежда.

Здраствуйте! Во первыхъ, посылаю тебѣ, Стеша, свой супружескій сердечный привѣтъ, твоей озабоченной жизни. Я все всматриваюсь въ твои письма, что ты не процвѣтаешь, Стеша, а вглубляешься въ большую заботу своего малаго семейства. Затѣмъ увѣдомляю тебя, что твои два письма получилъ и произношу тебѣ великое спасибо, что не забываешь меня на военной службѣ. Еще увѣдомляю тебя въ томъ, что отъ брата Павла получилъ письмо, онъ увѣдомляетъ меня, что посѣщалъ мое семейство и благодаритъ, Стеша, тебя, что ты его приняла въ хорошемъ отношеніи и угощала медомъ. Эти гости, Стеша, городскіе, они любятъ ходить по гостямъ, а особенно кушать медокъ, а еще, Стеша, ты мнѣ сообщаешь про Сергѣя, что онъ не заходитъ къ вамъ, и не нужно имъ интересоваться такими болванами, живи спокойно, своимъ видомъ, о нихъ не безпокойся. Помни и бери примѣръ съ Власьевыхъ, они живутъ аккуратно и умѣло. Я ду-

маю, и ты копейку не разбросаешь, а что купила, это я тебя благодарю, что ты запасла.

Затѣмъ ты мнѣ писала въ письмѣ про подати. Вамъ сказалъ земскій начальникъ, что съ васъ не брать, а они самовольно съ васъ требуютъ! А вы еще сходите къ земскому начальнику. Затѣмъ я тебѣ писалъ, чтобы ты мнѣ прописала, за сколько мѣсяцевъ получила способіе, а ты мнѣ не прописала. Потомъ кого у насъ забрали ополченцевъ, это все мнѣ пропиши, что у васъ дѣлается.

А лошадь не продавай, покамѣстъ я живъ, а если корова стельна, надо продать, и маленькую телку можете тоже продать, овцу тоже можете продать, свинью можете покормить и заколоть, а если у васъ, Груша, есть возможность продержать, то ваша воля, какъ хошь, какъ вы теперь полная хозяйка, и ведете хозяйство.

Дубъ въ старомъ саду, наверху, его сруби, привези столбы на дворъ, жерди кленовыя, попроси брата пособить, наймите плотника. Знаю, что вамъ тяжело работать безъ помощника бабѣ, но я всетаки на тебя надѣюсь, у тебя изъ рукъ ничего не вырвется, все сдѣлается и все сработается. Наташа, неужто мнѣ тебя не жалко, какъ ты маешься въ работѣ. Ничего не сдѣлаешь, нельзя пособить, очень далеко нахожусь. Живъ буду, опять по старому заживемъ.

Еще, дорогая моя Настя, прошу я васъ въ томъ, что мой совѣтъ, поговори со своимъ отцомъ и съ моимъ, что чѣмъ землю продавать или платить за пашню дорого, не лучше-ли купить лошадь рублей за 70? Убытку намъ не будетъ. Если мой отецъ согласится пахать, то пущай пашетъ, чѣмъ платить за пашню 25 р. за душу. Если онъ все хорошо сдѣлаетъ, то лошадь будетъ его. Мой совѣтъ такой. Капризничать пора бросить, дорогая моя Настя, нужно характеръ смѣнить и жить покорно. Но я тебя, Настя, этимъ не выучу, какъ жить. Гляди сама для себя. Мнѣ ничего не надо, меня кормятъ готовымъ. Нынче живъ, завтра нѣтъ. Смерть жду каждую минуту. Смерть для насъ находится очень близко, завсегда визжитъ около ушей. Дорогая Настя, почему Федя сталъ очень плохо писать, такъ что совсѣмъ не раз-

берешь? Зимой писалъ онъ лучше, заставляй писать каждый день, въ каждомъ письмѣ чтобы онъ свое письмо писалъ мнѣ что нибудь.

Дорогая моя супруга, письмо я ваше получилъ ввечеру и сейчасъ же пишу отвѣтъ. По конверту я не могъ сообразить, откуда, но тогда догадался, когда распечаталъ, увидя, писано малыми руками, я не могъ удержаться отъ слезъ иересталъ читать отъ немощи, не могу проговорить слова на вопросы товарищей, мнѣ пала на сердце великая грусть, съ утра, какъ видно, чуяло оно о письмѣ.

Вы писали прислать карточку, но я карточку прислать не могу, потому что негдѣ сниматься. Мы стоимъ отъ города 8 верстъ, а въ деревнѣ нѣтъ, а въ городъ не увольняютъ, потому что близь позиціи, каждую минуту на готовѣ къ бою, но я и самъ бы желалъ послать карточку, но нѣтъ возможности. Но мнѣ тоже скучно и временемъ грустно здѣсь, въ далекой Польшѣ, гдѣ 8 мѣсяцевъ не слыхать звона православныхъ колоколовъ, но ничего не подѣлаешь, должно быть, такая наша судьба. Затѣмъ я вамъ помочь ни чѣмъ не могу, старайтесь какъ нибудь яровое посѣять, моя жизнь минутная. Намъ слышно, что наши ерои-войска на всѣхъ фронтахъ противника разбиваютъ и берутъ много въ плѣнъ, и 9-го числа наши взяли крѣпость Боржамышль и много плѣнныхъ.

Милая моя сашечка Дуня. Я очень о васъ скучаю, стоимъ на одномъ мѣстѣ второй мѣсяцъ, дѣлать нечего, дай напишу письмо, всетаки за дѣломъ, и вамъ это дорого, что я живъ и здоровъ. До этого время мы каждый день были то въ бою, то въ походѣ, а теперь мы живемъ пока хорошо, и по такому случаю я объ тебѣ скучаю и часто вспоминаю, да и всѣ вспоминаютъ всякъ про свою. А ложимся спать и начнемъ разсказывать, кто какъ женился, кто какъ жилъ, и кто сколько жену билъ. И очень часто тебя вижу во снѣ. Въ январѣ тебя видѣлъ очень нарядну, что съ тобой не случилось-ли, Дуня? Навѣрно, и ты видишь меня во снѣ, почему ты не пропишешь никогда и въ какомъ видѣ, мнѣ это интересно знать. Ты, Дуня, напиши это все своей неумѣлой милой рукой, мнѣ оно очень дорого. Пока у меня все есть, только тебя нѣтъ. Деньги есть и еще ожидаю получить, и тогда, можетъ быть, и тебѣ пришлю. Посылку вашу еще не получилъ. Затѣмъ, прощай, милая, ненаглядная, сашечка моя Дуня, цѣлую, и милую, и обнимаю, и туго, туго къ сердцу прижимаю.

Дорогая моя, милая супруга Дуня, считаю своимъ долгомъ увѣдомить тебя, что по милости Всевышняго живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Сердечная моя къ тебѣ просьба, Дуня, какъ можно пиши чаще письма, они составляютъ великую для меня радость, такъ какъ я живу вашими письмами. Богъ дастъ, скоро настанетъ конецъ нашимъ врагамъ, и вся сторона наша будетъ праздновать побѣду, тогда и мы, съ Божьею помощью, увидимся съ тобой, я, Дуня, такъ по тебѣ скучаю, до изнеможенія. Въ такой долгой разлукѣ мы съ тобой еще давно не были, скучаю и такъ скучаю, и цѣлую, цѣлую, цѣлую. Посылки я получилъ всѣ сполна, за которыя тебя, Дуня, отъ души и отъ всего чистаго сердца благодарю и несчетно разъ цѣлую за твое глубокое чувство, оказанное ко мнѣ и туго, туго прижимаю къ своему чистому сердцу. Только, Дуня, ты сама себя не обидѣла-ли? Сахару бы не надо, потому что намъ выдаютъ 5 ф. въ мѣсяцъ. Такъ что своего сахару вдоволь. Какъ получилъ, сталъ пить въ накладку, съ сухарями. Насъ помѣщается 5 человѣкъ въ окопѣ и все ѣдимъ вмѣстѣ, мнѣ прислали—мое, имъ пришлютъ—иху. Дуня, ты позаботилась положить чернилъ мнѣ, навѣрно, тебѣ надоѣло читать письма, писанныя карандашемъ, а не позаботилась положить иконку, ты знаешь, что у меня нѣтъ. Я очень радъ, что у тебя все есть, и ты ни въ чемъ не нуждаешься, и я ни въ чемъ не нуждаюсь, только думаю, что я на войнѣ. На второй недѣли мы говѣли, а ты, Дуня, когда говѣла, пропиши. Въ пятницу пріобщались. Я очень радъ, что ты пишешь сама и просишь извиненія у меня, мнѣ не до хорошаго и красиваго письма, какъ нибудь да отъ тебя писано, тобой, своей неумѣлой, бѣлой, милой мнѣ рученькой, я эту рученьку туго, туго жму. Милая моя супруга и неоцѣненная сашечка Дуня, какъ можно пиши чаще письма, я очень, и очень, и очень скучаю, и темной ноченькой мнѣ не спится, и все я думаю о тебѣ. Теперь въ селѣ говорятъ, навѣрно, что конецъ вѣка. Затѣмъ, милая моя Дуня, больше писать нечего. Прощай. Остаюсь твой вѣрный тебѣ во всемъ супругъ Андрей. Прощай, милая моя сашечка, сашечка моя милая.

Заочно цѣлую несчетно разъ въ твои милыя и сладкія для меня губки и еще не знаю, какъ тебя, сашечка, обласкать отъ своей такой скуки и такъ далекой разлуки не по своей волѣ, а по милости Божіей, и не гдѣ нибудь на сторонѣ, а на отечественной войнѣ. Ты, сашечка, въ каждомъ письмѣ просишь извиненія,

что плохо написала. Кому плохо, а мнѣ хорощо, и съ горячей и великой радостью твои письма читаю и не одинъ разъ, а нѣсколько разъ. Ты, Дуня, не тоскуй такъ сильно, какъ ты пишешь. Такъ не надо. Я покамѣстъ живу хорошо, а тамъ какъ Богъ приведетъ. Милая моя Дуня, я писалъ, что очень, очень скучаю. Вся наша забава и удовольствiе—купили карты и играемъ въ дураки, въ томъ идетъ время скорѣе. Вечеромъ рано ложиться не охота, вотъ и играемъ часовъ до 11-ти или до 12-ти. У насъ боевъ нѣтъ, а на германской границѣ былъ сильный бой у крѣпости Осовца. Разбили германцевъ два корпуса и на австрiйской границѣ взято въ плѣнъ 52 тысячи, такъ что наши дѣла покамѣстъ идутъ хорошо. Милая моя Дуня, ты письма мои читаешь одна, про себя, или при теткѣ? Ты мнѣ пропиши, чтобы я зналъ, если я что нибудь напишу изъ секрета, то эти слова не читай вслухъ, а читай одна. Дорогая, ненаглядная моя супруга Дуня, заочно несчетно разъ цѣлую и ласкаю,—только очень далеко, около австрiйцевъ, и жалѣю тебя, но только далеко, и скучаю.

Милая моя, не тужи за меня, мнѣ здѣсь хорошо, объ насъ всѣ заботятся, одѣваютъ и обуваютъ, я и самъ не тужу, вотъ если бы ты только со мной была, а то очень скучно безъ тебя, да и больно я люблю тебя, моя ненаглядная. Но нечего горевать, Богъ дастъ, скоро въ радости свидимся, и я къ тебѣ молодцомъ вернусь. Вотъ если бы ты вѣсточку мнѣ написала, какъ радъ бы я былъ, я каждое слово расцѣловалъ бы. Будь здорова. Твое драгоцѣнное письмо я получилъ и очень радъ читать твои коверканныя слова и до сыта не начитаюсь. Пиши мнѣ чаще письма, я ежели долго нѣтъ письма, то на меня находитъ такая скука, что и не знаю, что дѣлать и ничто меня не развлекаетъ, какъ твои милыя письма.

Ты поздравляешь съ праздникомъ и желаешь встрѣтить и проводить въ чести и въ радости, но какая же можетъ быть радость на войнѣ, здѣсь вся моя радость, что получу твое письмо и когда читаю, какъ-то на сердце легко станетъ, будто я побывалъ дома и наговорился съ тобой и нацѣловался до сыта, и потомъ, какъ масломъ, обольетъ по сердцу. Милая моя, ты больно не тужи и не плачь, сама себя не отягощай, потому что это все разстройство уноситъ кусочекъ твоей жизни, который для меня и для нашихъ дѣтокъ дорого стоитъ. Пока я живу, слава Богу,

и ни въ чемъ не нуждаюсь, только въ тебѣ, моя милая. Я ждать никакъ не дождусь съ твоего милаго личика карточку. Или тебѣ время все нѣтъ сходить, навѣрно, ты дожидаешься, когда пойдешь съ малиной, я бы желалъ поскорѣе. Если будешь сниматься, то надо въ печальномъ видѣ, одному прислали, и жена нарядилась, какъ подъ вѣнецъ, и надъ этимъ всѣ смѣются. Въ скоромъ времени будетъ здѣсь наступленіе и тогда неизвѣстно, что можетъ случиться, и мы поѣдемъ впередъ, тогда писать некогда и послать нельзя, а ты сама все время пиши, письма наши не пропадаютъ и когда нибудь да получу. Только бы живому быть.

Спѣшу сообщить вамъ, что мы теперь переѣхали на лѣвый флангъ, теперь наша жизнь будетъ опаснѣе, потому что здѣсь идутъ бои. Вѣрно, довольно стоять безъ выстрѣла, теперь придется пострѣлять. Ѣхали мы сюда на машинѣ. Когда ѣхали, многія жены выходили встрѣчать своихъ мужьевъ, но ихъ не было. Потомъ въ поляхъ бабы боронятъ, навѣрно, и у насъ также. Потомъ еще больше меня убѣдила одна баба, встрѣтилась съ мужемъ на станціи и долго, долго они цѣловались, а остаться нельзя, и только покамѣстъ поѣздъ стоялъ, и они все стояли и говорили, потомъ поѣздъ пошелъ, и они опять стали цѣловаться и плакать, и я все это видѣлъ и у меня сердце защемило, и я дальше не могъ смотрѣть такую жалостную картину. Что бы было, если бы мы съ тобой такъ увидались, навѣрно, не придется и не дождешься, но что бы было радости и слезъ безъ конца.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Здраствуй, премногоуважаемый и дорогой сыночекъ Ваня. Посылаю свое родительское почтеніе и съ любовью низкій поклонъ и желаю отъ Господа Бога добраго здравія и скоро и отлично выучиться грамотѣ и окончить свое ученіе первымъ ученикомъ, а для того, чтобы быть первымъ ученикомъ нужно, дорогой сыночекъ Ваня, привыкнуть и изучить три правила, а именно какія: 1-ое, непремѣнно быть послушнымъ и внимательнымъ мальчикомъ, какъ въ школѣ, такъ и дома. Въ школѣ нужно слушать со вниманіемъ, что учитель разсказываетъ и что показываетъ, а что спроситъ—отвѣчать смѣлѣй и громко, безъ ошибокъ. 2-ое, обязательно чаще читать книги и писать, дѣлать арифметику на 4 дѣйствія, арифметику, какъ можно, и хорошо писать. Непре-

мѣнно, сынокъ Ваня, учись, это тебѣ очень пригодится. Я живъ буду, обязательно возьму тебя съ собой въ городъ, и ты со временемъ будешь человѣкъ. Прошу тебя, дорогой сыночекъ Иванъ Андреевичъ, слушай меня, что я тебѣ наказываю, не смотри на своихъ товарищей, что они бѣгаютъ по улицѣ, и ты немного поиграй и опять за свое дѣло. 3-ье, будь смирный, кроткій, не озорничай, дѣлай такъ, чтобы тебя всѣ любили. А теперь я тебѣ сообщаю, Ваня, записки я твои обѣ получилъ, которымъ я былъ очень радъ, прямо съ наслажденіемъ читалъ твое рукописаніе, и еще кое-кто смотрѣли и всѣ говорили—очень хорошо пишетъ. Дорогой сыночекъ Ваня, пишешь очень хорошо, но старайся еще получше и пиши, не торопись, а буквы проставляй всѣ, каждое слово полностью. Я твое письмо очень хорошо разбираю. Ваня, еще показывай и учи Петю и Сёму, учи ихъ буквы, а не будутъ слушаться, тереби ихъ за ухо и напиши мнѣ письмо, я имъ за это не привезу гостинцевъ. Ваня, читай это письмо самъ, оно написано разборчиво, вотъ и ты мнѣ напиши такое же письмо, я и буду гордиться и всѣмъ показывать твое письмо.

Вася, будешь возить дрова, или куда поѣдешь, будь остороженъ и съ лошадью обращайся аккуратнѣе, подъ возъ не попади, всетаки приноравливай съ людьми вмѣстѣ, а одинъ поѣдешь, что случится, и пособить будетъ некому. Дорогой лошади не бросай никогда. Если возъ упадетъ, то проси людей—покорну голову не сѣкутъ и не рубятъ. Кормъ и хлѣбъ берегите, зря не валите и не травите, потому что стало, видно, все дорого. Какъ можно, все берегите. Бережъ лучше промыслу. Здѣсь мы живемъ такъ,—день прошелъ, то и до насъ дошелъ. Я объ себѣ не думаю, если Богъ накажетъ, все равно какъ никакъ, а умирать надо, но мнѣ жаль васъ, вы безъ меня много горя примете.

Вы мнѣ пишете, что вы очень скучаете обо мнѣ, и мамака ваша плачетъ. Ну, я этого не совѣтую, нужно только молиться Богу, чтобы Онъ васъ не оставилъ въ вашей жизни. Онъ обдумалъ обо всѣхъ объ васъ и нечего обо мнѣ плакать, значитъ судьба моя такая, мнѣ тоже горько, когда вздумаю объ васъ, такъ что все сердце такъ и поворотится и скорѣе хочется забыть, чѣмъ нибудь занять, чтобы не разстраиваться.

Поздравляю тебя, дорогой сыночекъ Митя, со днемъ твоего Ангела. Ангелу—златъ вѣнецъ, а тебѣ добро здоровье, а отъ меня родительское благословенiе.

Я объ себѣ теперь мало думаю, но думаю объ васъ, дорогiя мои дѣтки, какъ вы безъ меня намаетесь и наскитаетесь, навѣрно, и теперь и то уже узнали, какъ жить безъ родимаго батюшки. Вотъ оттого я пишу, и я все знаю, потому что я самъ все это испыталъ. Милые, дорогiе мои дѣтки, Вася и Николя, а вы попросите-ка Матушку Владычицу Пресвятую Богородицу, хоть не пожалѣетъ-ли Она васъ и для васъ не продлитъ-ли мою жизнь, чтобы мнѣ выростить васъ и поставить на ноги. Я знаю, что Богъ меня наказываетъ за великiе грѣхи, потому что я Бога совсѣмъ забылъ и вотъ, чтобы Его мы вспомнили, Онъ и наказываетъ.

Еще, доченька Машенька, ты писала сама мнѣ письмо и говоришь, что я разберу или нѣтъ твое письмо. Я разобралъ хорошо, и ты, дорогая моя доченька, написала очень хорошо. Я очень обрадовался, что ты сама стала писать, старайся, доченька, это не плохо. Спасибо тебѣ за твое письмо и за все, да пиши сама, пишешь очень хорошо, дай Богъ тебѣ разуму. Еще заочно я васъ всѣхъ цѣлую несчетно разъ.

Саша, пожалуйста, послушай меня, пособляй матери, слушай во всемъ, что заставятъ дѣлать, дѣлай, старайся. Павлушку заставляй работать. Вы жалѣйте мать, а то она замаялась вовсе. Кормъ также съ гумна ее не заставляйте таскать. Прощайте, мои сиротки.

Милые мои дѣтки, вѣрно мнѣ васъ не увидать и не поласкать по головкѣ, не поцѣловать въ дѣтскiя уста ангельскiя. Помолитесь Господу Всемогущему, не услышитъ-ли Господь вашей дѣтской молитвы, отъ вашей дѣтской сиротской доли. Не могу я перенести, когда увижу дѣтей въ казармѣ, просящихъ хлѣба и супу, и мнѣ сразу падетъ на сердце—сиротки вы несчастные. Еще, вѣрно, много чуетъ мое сердце о вашемъ воспоминанiи.

Посылаю вамъ, дорогiя мои дѣтки, свое родительское миръ благословенiе. Слово, которое можетъ существовать по гробъ вашей жизни свято и нерушимо. Да благословитъ васъ Господь, Ваня и Миша. Можетъ быть, больше не придется и написать вамъ

о себѣ вѣсточку, потому что стоимъ подъ залпами ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ.

КЪ РОДНЫМЪ И ДРУЗЬЯМЪ.

Пишу дорогому моему дѣдинькѣ Федоту Клементьевичу. Дорогой мой дѣдинька, приходитъ работушка, приходитъ. Што будешь дѣлать? Старичекъ, не мучайся, найми, продайте что нибудь.

Дорогой братъ Григорій Афанасьевичъ, прошу васъ, не бросай, выручай стараго и малаго въ пашнѣ. Васъ тоже прошу, куманекъ, если въ крайнемъ случаѣ тоже что нибудь, направь ихъ на путь. Затѣмъ пишите мнѣ обратно, какимъ числомъ получите мое письмо.

Прошу васъ, братецъ, почему вы такъ, никакого отъ васъ отвѣта, сколько я вамъ писалъ писемъ. Прошу васъ, какъ можно, пишите про свои обстоятельства, въ какомъ видѣ вы живете, что дѣлается въ нашемъ обчествѣ. Хотя я и получаю отъ жены, но какъ баба и сами знаете, что можетъ баба объяснить, тѣмъ болѣе изъ этого, и прошу, какъ вы мнѣ братъ, а какъ говорится „свой своему поневолѣ другъ". Ежели вы на что сердитесь, но я будто такъ сознаю, что намъ серчать другъ на друга нечего.

Дорогой братецъ Гора, я тебя увѣдомляю въ томъ, что вамъ на мельницѣ работать трудно, то возьми, брось, что нибудь найдешь полегче работать, какъ нибудь, Господь велитъ, проживете. Какъ нибудь, Господь велитъ, здоровымъ вернусь домой, тогда вмѣстѣ подработаемъ и заровняемъ.

Я въ бою былъ три раза, Богъ спасъ, живъ и здоровъ остался, но не знай, какъ впередъ, не чаюсь. Не знай, придется послать письмо, придется—пошлю. А затѣмъ простите меня, Христа ради, можетъ, послѣднее свиданье, всѣ простите, молитесь Богу за меня, за грѣшнаго. Братья, сестры и сродники, всѣ простите меня Христа ради.

Родители мои совсѣмъ меня забыли, мѣсяца полтора и письма не шлютъ и ничего мнѣ не извѣщаютъ. Ни въ чемъ, будто, я имъ и не сынъ, только они меня и жену разстроили и провожали въ родѣ какъ съ радости, всѣ мнѣ пеняли. Ну, Богъ съ ними. Они

мнѣ не чають ужъ и прійти домой. А мама, вишь, и грамотна, знаетъ Божье Слово, и то позабыла, что я сынъ. Вотъ Богъ и наказалъ ее за неправду. А тебѣ тоже нельзя говорить ничего, сестрица, ни тятѣ, ни мамѣ, она, мама-то, Божье Слово знаетъ, а плохо понимаетъ его. Затѣмъ прощайте.

Покорнѣйше благодарю я за ваше письмо, больно я радъ былъ вашему письму, хоть ладно ты, сестрица, прислала мнѣ письмо, а родители меня совсѣмъ забыли, всего на всего прислали два письма, на что-то они больно осердились. Будто, я имъ и не сынъ, и провожали, сердиты были. Ежели пріѣдете на Рождество Христово, безотмѣнно побывайте у меня и поглядите, все-ли безъ меня цѣло. А мнѣ приходитъ выгонка на дѣйствіе съ германцемъ, не знай, какъ Богъ меня воротитъ оттоль. А всетаки, може, Богъ милостивъ будетъ. Я то, сестрица, придумалъ, ежели меня убьютъ, то, може, братъ останется для прокорму родителямъ, и не сколь я, сестрица, этого не боюсь, какъ другіе боятся умереть, то все равно, навѣрно, тамъ помереть лучше будетъ, потому что за Вѣру, Царя и Отечество. Ежели меня погонятъ, успѣю написать, то пришлю письмо вамъ. Прощайте, прощайте и прощайте, дорогіе куманекъ и сестрица, и вы, мои всѣ племяннички.

Шлю я тебѣ, дорогая моя Аннушка, свое глубочайшее почтеніе и съ любовью низкій поклонъ и желаю я тебѣ, Анюта, погулять на улицѣ, потому что я самъ очень любилъ гулять, но теперь, Аннушка, всѣ мои молодые года пройдутъ не въ честь, не въ радость. Очень мнѣ жалко эту улицу, но ничего не подѣлаешь. Еще, Анюта, прошу я тебя, передай моей Санькѣ Ильиной отъ меня почтеніе и спасибо ей за ея поклонъ, мнѣ все старую эту любовь жалко, очень она хорошая была дѣвка, я ее любилъ. Прошу тебя, Аннушка, скажи ей, что Ваня шлетъ тебѣ поклонъ. И кланяйся всѣмъ краснымъ дѣвушкамъ, дай Богъ имъ добраго здоровья и погулять имъ, красное ихъ время, а мое уже пролетѣло.

Почему вы долго не шлете отвѣтъ мнѣ, я получилъ въ $2^1/_2$ мѣсяца только 3 письма, а вамъ послалъ 15 штукъ. Если вы не будете писать такъ часто, то я не буду писать вамъ больше писемъ, потому что намъ одни письма развлеченіе здѣсь. Когда я получу ваше письмо, словно у меня какая гора свалится съ меня. И ско-

рѣе пишите и шлите посылокъ, знаете, что приходитъ праздникъ, каждый старается, чтобы солдатскій хлѣбъ въ праздникъ отставить.

Прошу я тебя, дорогой куманекъ, не бросайте моей жены съ малыми дѣтками, не дайте ей впасть въ глубокія, мрачныя думы. Вѣдь приходитъ пора пахать, помогите ей въ работѣ, можетъ, Богъ дастъ, я вернусь домой, я все тебѣ отплачу.

Служба докудова ничего, только очень скучно объ домашнихъ и объ своей семьѣ, тогда забываю, когда крѣпко усну. И будто бываю все дома. Еще прошу, пожалуйста, обо мнѣ не заботьтесь, я здѣсь одинъ, а васъ тамъ семья, заботьтесь сами о себѣ. Молитесь Богу, только бы помиловалъ Господь. Дай Господи вамъ жить благополучно.

Дорогая матушка крестна, прошу васъ, не оставьте, почаще ходите къ моей женѣ на совѣтъ, какъ лучше во всемъ дѣлать. Я у ней просилъ сапоги валяны обсоюзить, прислать, она пишетъ, что валяльщиковъ нѣту. А нельзя купить? Это не отговорка. Больше писать не стану. Если бы тепло было, то не просилъ бы сапоги, очень холодно. Я ей сколько денегъ выслалъ, и то не можетъ справить. Ну, какъ хочетъ, больше не пришлю ей денегъ, какъ хочетъ, распоряжается своей головой. Ей хорошо на печи лежать, а не подумаетъ, что мужъ зябнетъ, надо позаботиться всѣми силами. Слалъ, слалъ, у нея все не хватаетъ денегъ, все пишетъ—ни копѣйки нѣтъ, я этому не вѣрю, я знаю, какой расходъ, сколько долговъ у дома, и знаю, сколько доходу у ней. Пишетъ, если бы не прислалъ, хоть всѣ дѣла бросай. Матушка крестна, Христа ради, не вели это ей писать, меня разстраивать.

Въ первыхъ строкахъ моего письма спѣшу увѣдомить васъ, дядинька Архипъ, въ томъ о вашемъ сынѣ Алексѣ Архиповичѣ, онъ пропалъ 6-го мая въ бою, онъ отъ насъ отсталъ, и сейчасъ не можемъ знать, гдѣ онъ. Не знай, убитъ, не знай, раненъ, не знай, въ плѣну. Если мы услышимъ, гдѣ онъ, то мы вамъ извѣстимъ. Мы, его товарищи, кланяемся вамъ по низкому поклону и желаемъ вамъ добраго здоровья. Затѣмъ прощайте. Его товарищи жалѣемъ, что онъ отсталъ отъ насъ.

Ѳома Спиридоновичъ, я васъ вспоминаю чуть-ли не каждый часъ, а вы меня, должно, совсѣмъ забыли. Пропишите мнѣ два

слова, въ какомъ положенiи ваше здоровье, это интересно мнѣ узнать. Да моя лошадь въ какомъ положенiи находится, хороша, должно быть, стала, или не очень, это пропишите и пропишите мнѣ все подробно, что у васъ, какiя есть новости. Еще увѣдомляю, каждый день плаваемъ по 4 часа на еропланахъ и удержабляхъ, ужъ назначена наша рота на позицiю, но не знаю, какъ—повзводно или цѣлая рота.

Пишутъ изъ дома, что у меня тамъ семья тумашится, и дѣло у нихъ тамъ идетъ, слава Богу, хорошо, я очень радъ и доволенъ, спасибо имъ за труды. Всетаки, слава Богу, и я здѣсь, слава Богу, живъ и здоровъ, и покамѣстъ служба идетъ хорошая.

Дорогiе сроднички, когда я ѣхалъ на войну съ мѣста, гдѣ я служилъ, доѣхали мы до города П., мы тамъ стояли немного времени по случаю того, что намъ добавляли молодыхъ солдатъ. Казармъ порожнихъ не было, нашу роту поставили въ вольные дома, рядомъ же съ нашей квартирой стоялъ двухъэтажный домъ. Въ нашей квартирѣ чаю согрѣть негдѣ было, потому что раньше тутъ была пивная лавка, а ужъ погода была довольно прохладная. Затѣмъ распредѣлилъ своихъ людей и пошелъ узнать, гдѣ можно купить кипятку. Иду мимо этого дому, не обратилъ на него вниманiя. Сравнялся съ воротами, меня спрашиваетъ молодая, довольно красивая, съ добрыми и ласковыми глазами, дѣвушка —послушайте, солдатикъ. Я остановился. Она спрашиваетъ, гдѣ мы находимся. Я говорю—рядомъ, у васъ въ сосѣдяхъ. Тогда она мнѣ говоритъ: У васъ негдѣ согрѣть кипятку, то вы, пожалуйста, приходите ко мнѣ, я буду рада всегда вамъ, потому что я сочувствую сейчасъ къ каждому солдатику. И, понятно, я дальше никуда не пошелъ, а поблагодарилъ ее за это и просилъ, чтобы согрѣла. Затѣмъ другой разъ захожу, мнѣ уже готовый, и все время давали мнѣ молока и сдобнаго хлѣба, и не только мнѣ, даже моимъ людямъ все время ставили самовары и за все время, сколько находились тамъ, она всегда была рада услужить мнѣ. Когда я уѣзжалъ, то попросилъ адресъ ея, поблагодарить, когда буду на войнѣ. Получаю письмо, и хотѣла послать посылку, но я отказалъ. Такъ вотъ, дорогая матушка крестна, передай мою просьбу Сергѣю и сестрицѣ, посовѣтуйтесь или метните жребiй, или кому не жалко. У васъ у всѣхъ моихъ карточекъ по многу, такъ вы пошлите одну карточку ей за ея добродушное отношенiе

ко мнѣ, ради Бога, прошу васъ, исполните мою просьбу, Богъ знаетъ, вернусь я, или нѣтъ.

Лети, листокъ, съ запада на востокъ, лети, взвивайся, въ руки никому не давайся, дайся тому, кто радъ письму моему. Здраствуй, кума. Увѣдомляю я васъ, что насъ назначили въ маршевую роту, и былъ намъ смотръ, пріѣзжалъ къ намъ начальникъ бригады и сказалъ намъ, что идите, братцы, на защиту родины, царя и отечества. И смерть намъ не будетъ страшна, и мы пойдемъ съ первой партіей, но число намъ не назначено, когда выгонятъ, навѣрно, скоро.

10-го были проводы новобранцевъ и ополченцевъ на войну, сильно трогательно. Пять ротъ. Каждый ротный командиръ подходилъ къ каждому и цѣловалъ, каждый солдатъ плакалъ. Выстроили на площадь и встали на колѣни, пропѣли молитву и пошли на вокзалъ. Поѣздъ сталъ отъѣзжать, они запѣли пѣсню, пѣли—„Послѣдній день намъ, братцы, миновался, намъ не быть съ вами, друзья“, а у насъ покатились слезы, какъ градъ...

Вы мнѣ напишите по солдатски ясно и коротко то, что я васъ просилъ не одинъ разъ—принимали или нѣту однихъ сынковъ на военную службу? Пропишите, кто женился и вышелъ замужъ, а я хочу привезти вамъ австріячку, хорошая барышня, а то у насъ нѣтъ моихъ невѣстовъ, всѣ повыйдутъ. Еще васъ цѣлую и до свиданья. Что же мнѣ Фроня не пишетъ письмо, какъ тамъ живется?

Прошу передать, Федоръ Кузьмичъ и Василиса Григорьевна, лодырю Петькѣ Гусакову,—онъ, лодырь, не старается, не идетъ на войну за вѣру, царя и отечество. Ты, Петръ Петровичъ, все горячился—пойду на войну, покамѣстъ ея не было, а какъ война оказалась, такъ ты ракомъ, а во мнѣ вотъ есть старанье, такъ я до конца буду стараться, когда побѣдимъ врага, тогда, Богъ дастъ, и придемъ домой, а ты лучше ужъ приготовь какое нибудь средство—веревочку или прорубку, а, можетъ, чего самъ получше выдумаешь, а то всю твою морду разобью, обманщикъ ты. Ага, навѣрно, у тебя толконулось сердечко, а если миръ заключатъ, тогда будешь бояться. Да, вишь, ладно, у меня сердце очень мягкое.

ВЕСНА НА ФРОНТѢ.

Погода у насъ становится теплая, озимые уже зеленѣютъ, пучечки на деревьяхъ начинаютъ лопаться. Благодаря Господа Бога, Господь хранитъ отъ вражьей пули, зиму прожили, не видѣли холода и голода, а нужда солдатская намъ не страшна, мы уже къ ней привыкли, теперь начали проводить и весну. На Пасхѣ все войско ждало миру, но Пасха проходитъ, а ничего не слышно.

День Св. Благовѣщенія. У насъ здѣсь очень тепло, ходимъ въ однѣхъ рубашкахъ, только ночью есть морозъ. Поляки пашутъ землю. Мы бы были рады пожертвовать собой, только бы выжить его (нѣмца) съ нашей земли, а то время подходитъ сѣять хлѣбъ, даже жутко смотрѣть на здѣшнихъ жителей, у нихъ нѣтъ ничего, они только и живутъ нами, солдатами, возьмутъ отъ насъ кусокъ хлѣба и мяса, только этимъ и пробавляются.

Паркъ нашъ стоитъ въ лѣсу, я сижу на пнѣ и пишу вамъ письмо, такъ весело у меня на душѣ, сижу за письмомъ и вспоминаю свой родной домъ и свою родную семью, только тѣмъ и утѣшишь себя, что помечтаешь о прошломъ. Лѣсъ, въ которомъ сижу, напоминаетъ мнѣ нашу рощу, бѣлки надо мною прыгаютъ съ дерева на дерево, а въ воздухѣ аеропланы пролетаютъ надо мной, то нашъ, то германскій, по шоссе автомобили несутся, одна за другой, обозы тянутся безъ конца. Мнѣ уже это все присмотрѣлось, а пишу для того, чтобы доставить вамъ удовольствіе своимъ письмомъ. На фронтѣ у насъ покудова тихо, стрѣльбы не слышно, слава Богу, а на другихъ фронтахъ не знаю, что дѣлается. Я очень доволенъ своею судьбою, благодарю Господа Бога, Онъ, Всевышній Создатель, хранитъ меня отъ вражьей пули. Я сегодня весело чувствую себя на душѣ, получилъ отъ васъ письмо и изъ дома два письма. Прежде я много тосковалъ объ домашнемъ, а теперь не такъ тяжело, ко всему присмотрѣлся и домашнее понемногу забываю. Вы пишете, что ожидаете побѣды съ нашей стороны. Мы всѣ, солдаты, стараемся и молимся Богу, чтобы Господь помогъ намъ въ нашихъ успѣхахъ и поскорѣе окончить свое дѣло. Я молюсь Богу, чтобы дожить до этого время и услышать эту великую радость для насъ всѣхъ.

Озимое здѣсь ничего пока, а яровое не даютъ сѣять около позиціи. Яровое, посѣянное подальше отъ позиціи, всходитъ хо-

рошо, яблони и сливы расцвѣли, въ полѣ стало зелено, очень весело, но намъ невесело. Новенькаго у насъ не слышно, одинъ предсказатель, будто, говорилъ, 27-го апрѣля миръ будетъ.

Стоимъ на позиціи въ углубленныхъ окопахъ и въ закоптѣлыхъ землянкахъ. Изъ окоповъ только и смотримъ вверхъ. Жаворонки поютъ и распѣваютъ, кукушки кукуютъ, стоитъ погода чудная, ночи чудныя, а на волю нельзя головы поднять, грохочутъ ружейные выстрѣлы, трахтятъ пулеметы, и идетъ громъ пушекъ и шипѣнье снарядовъ по нашимъ окопамъ и закоптѣлымъ землянкамъ, но благодаря нашей тяжелой орудіи, заставляетъ нѣмецкую артиллерію замолчать. Изъ строя въ настоящее время выбываетъ мало, это благодаря Богу.

Еще пропишу, дорогіе мои, здѣсь вполнѣ тепло, на поляхъ хлѣба и лѣса стали зеленые, и пташечки поютъ, но ничто не веселитъ, понятно, вздумаешь про васъ, дорогіе мои, такъ и захлебнешься какой-то невидимой горечью, да и опять въ окопъ. Конечно, горько и жаль васъ, дорогіе мои, но ничего не подѣлаешь, только упованіе на Господа, чтобы Онъ сохранилъ отъ вражескихъ пуль и штыковъ, и далъ бы Богъ скорѣе нашей побѣды надъ врагомъ нашимъ.

Идутъ переговоры, будто Австрія и Турція склоняются къ миру. Пишу письмо въ окопѣ, стало теплѣе, дни ясные, поютъ жавороночки, на воздухѣ летаютъ, а мы все равно, какъ въ какой землѣ.

У насъ здѣсь, въ Польшѣ, тепло, на деревьяхъ развиваются листья, и въ озимяхъ прячется голубь, и часто дожди, и тепло.

Находимся въ лѣсахъ и на поляхъ, а птицы не поютъ, только пушки гудятъ, какъ громъ гремитъ, и болѣ ничего не слышно.

Мы теперь живемъ въ зеленыхъ поляхъ, въ земляныхъ домикахъ, которые сохраняютъ насъ отъ вражьихъ пуль. Живемъ, какъ будто на дачѣ, а пули все равно летятъ, какъ пчелы, да еще летятъ страшные непріятельскіе мортирные снаряды, отъ которыхъ нѣтъ спасенья и въ земляныхъ домикахъ, но пока Господь хранитъ, слава Богу.

Здѣсь теперь тепло, озими большія, и на деревьяхъ листья развернулись и также груши, сливы, яблони стали зелены, все стало весело, но только не веселитъ страшная мортира.

Хлѣбъ здѣсь въ виду пока хорошій и яровое хорошее, было два дождя хорошихъ. Мнѣ изъ дома пишутъ, у насъ тоже озимые хороши. Въ этой губерніи у каждаго крестьянина сады, но у нихъ такіе сады—яблони и сливы, и каштаны, очень прелестно сейчасное время, яблони и сливы отцвѣли и уже зарождаются яблоки, очень много оказывается яблоковъ. Въ полѣ у насъ зелено и весело.

Насчетъ погоды—погода у насъ очень чудная, дожди помачиваютъ, хлѣба очень хорошіе, окапываемъ и топчемъ, сердце обмираетъ, на него глядя.

Въ мартѣ мѣсяцѣ слухи были о мирѣ, ну, а теперь бросили даже говорить о мирѣ. Пока боевъ сейчасъ нѣтъ, но ожидаемъ очень сильныхъ боевъ.

ЛѢТНІЕ БОИ.

Мы теперь все время въ походѣ. Съ той позиціи, гдѣ были зиму, отошли назадъ, потому что мы были далеко впереди, а теперь отошли на прямую линію и ожидаемъ каждую минуту къ себѣ гостя, паршиваго нѣмца, и надѣемся, что мы его угостимъ, какъ слѣдуетъ, здѣсь, на новой квартирѣ.

Сидимъ въ первой линіи, въ окопахъ. Пока сильныхъ боевъ нѣту, но третьяго дня, лѣвѣе насъ, нѣмецъ дѣлалъ 18 атакъ, но наши его отбивали, и онъ отступилъ. Наши два корпуса пошли въ наступленіе.

Думаемъ и ожидаемъ сильныхъ боевъ, а пока новостей у насъ мало, идутъ бои у Перемышля и у Либавы, а у насъ только рѣдкая перестрѣлка. Только противъ насъ поднялся австрійскій воздушный шаръ, и мы всѣ на него смотрѣли и говорили—„какъ высоко поднялся". Потомъ смотримъ, чуть показался дымокъ, и въ одну минуту остался послѣ шара только столбъ дыма, и тамъ кто находился на немъ, полетѣлъ внизъ.

Гдѣ мы стояли цѣлую зиму на позиціи, оттуда ушли назадъ, бросили все укрѣпленье, сперва ушли на 30 верстъ, на заранѣе приготовленную позицію, и онъ наступалъ, и много его побили. Потомъ на разсвѣтѣ опять ушли 45 верстъ, вся наша армія уходила назадъ, ну, непріятель не напиралъ, ушли благополучно. Позиція у насъ здѣсь очень хороша, а онъ нейдетъ пока на нее, окапывается въ 20-ти верстахъ отъ нашей позиціи. Что будетъ дальше—не знаю, толи у него мало тутъ войска. Теперь очень много требуется дѣлать мостовъ, ходить очень далеко. Каждый день 20 верстъ исходишь, до сыта наработаешься, а придешь на квартиру, сѣсть мѣста нѣтъ, всѣ сараи заняты солдатами, вольнымъ народомъ, которые уѣхали съ позицій изъ тѣхъ деревень, гдѣ будетъ бой. Николая Т. послѣ отступленія не видалъ. Назарова Алексѣя видѣлъ. По ихней батареѣ непріятель стрѣлялъ и тяжелой артиллеріей и разогналъ всю прислугу отъ орудій. Отвезти хотѣли передки, никакъ нельзя подать, одну орудію вверхъ колесами обернуло, поставило на дуло ее, на карточку ее снимали, когда бросилъ стрѣлять. А мы были въ деревнѣ, видѣли, какъ онъ по ней билъ, ну, вреда не причинилъ, ранило только двухъ лошадей.

Новости наши въ такомъ видѣ. Мы ходили въ атаку, и насъ нѣмецъ допустилъ до своего проволочнаго загражденія и началъ насъ поливать орудійнымъ, шрапнельнымъ огнемъ, и затрахтѣли его пулеметы и ружейные огни, и мы открыли по немъ частый ружейный огонь, и онъ насъ сталъ сбивать не въ силу и всетаки сбилъ. Мы немного отступили, опять въ свои старыя позиціи засѣли. Затѣмъ еще ждемъ на дняхъ наступленія. Дѣло завязалось не на шутку.

Германецъ Перемышль взялъ обратно. Германецъ засыпалъ насъ снарядами, держать было никакъ нельзя, прямо перемѣшалъ все съ пескомъ своими снарядами, а у насъ не хватило снарядовъ, стрѣлять было нечѣмъ.

Письмо ваше я получилъ на новомъ мѣстѣ. Мы отступили отъ Карпатъ. Чуть не попали въ плѣнъ. Отступили на 80 верстъ, находимся сейчасъ въ 8-ми верстахъ отъ города Л. Заняли дачи въ лѣсу. Положеніе незавидное, но Господь поможетъ.

Теперь у насъ настала опять цыганская жисть. Что ни день— нова деревня, нова квартира. Самъ собою чувствую здоровъ, но ноги попортилъ въ зимнее время, земля была мерзлая, твердая, ходьбы намъ было много, все ходили на позиціи по ночамъ, темно, канавы, буераки, ямы разныя, прыгаешь черезъ нихъ, отшибаешь. Теперь и небольшой переходъ, а чувствуешь. Сіе письмо написалъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать, лежимъ теперь пять дней, ничего не дѣлаемъ. Какъ мы уже привыкли къ труду, то намъ кажется, время скорѣе выходитъ, теперь дни очень долги, жарки, только стрѣльбы на нашемъ фронтѣ нѣту, не знай только на сколь, и каждый солдатъ желаетъ итти въ бой скорѣй, каждый зналъ, что живъ, такъ живъ, а убьютъ—быть тому, не теряя времени. Въ нашей ротѣ пока, Господь милостивъ, урону мало, выбыло изъ строя 6 человѣкъ, 2 легко ранены, оставались въ строю всего 8 человѣкъ. А въ такой войнѣ за одну минуту, какъ метлой сметутъ. Болѣ писать нечего, и это въ родѣ лишнее.

Теперь я опишу о себѣ, какая наша жизнь. Дождались мы сильныхъ боевъ, такъ сильно бьемся, что ужасть. Былъ я въ страшныхъ, сильныхъ трехъ бояхъ, мы дрались подъ городомъ К. И тутъ не война, а цѣльный адъ былъ, такъ думали, что страшный судъ на насъ пришелъ, и растерялъ я своихъ милыхъ товарищей на полѣ брани. Потомъ сильное сраженіе подъ В., тутъ и я пострадалъ. Были у насъ подвѣшаны мины на трехъ желѣзныхъ мостахъ, и вотъ я выбралъ, гдѣ лучше непріятеля бить и спустился на быкъ, а быкъ сажени три вышины. Когда наши стали отступать, и саперъ кинулся взрывать мостъ, а я не доглядѣлъ, и гляжу, онъ за провода схватился, я прямо прыгнулъ сверху и разбилъ ноги, повредилъ и потомъ саженъ 30 отбѣгъ и сдѣлался безъ памяти. И посадили меня на фтомобиль и привезли въ околодокъ и потомъ отправили въ госпиталь. Ну, наша беретъ немного. Затѣмъ до свиданья, простите меня—война: быть можетъ, здѣсь и голову оставлю.

1-го мая мы выѣхали съ мѣста стоянки и до сего времени, мѣсяцъ, мало видѣли себѣ спокою, день и ночь были въ походѣ. Трудно было намъ переносить эту тяжесть, лошадки бѣдныя чуть тащились съ тяжелымъ грузомъ по песчаной дорогѣ, погода жаркая, дорога пыльная, ѣдемъ, какъ въ дыму, пыль набивается въ горло и въ ноздри, просто дышать нѣтъ силъ, а ѣхать нужно

было скоро, помочь своимъ товарищамъ. Теперь, слава Богу, сдѣлали свое дѣло, остановили напоръ непріятеля и самимъ стало посвободнѣе, вотъ уже три недѣли стоимъ спокойно, и хорошо отдохнули, и успѣли забыть всю тяжесть. Отъ боевой линіи стоимъ во второй линіи, такъ что не опасно, а вотъ аэропланы пугаютъ, очень я ихъ боюсь, хуже, чѣмъ пули. Наши летаютъ къ непріятелю, бросаютъ бомбы, а онъ къ намъ. Какъ начнетъ сыпать, не успѣешь, куда бѣжать, но Господь хранитъ. Летитъ въ войска, а бомбы его падаютъ въ чистое поле.

Во первыхъ строкахъ этого письма спѣшу сообщить, что я живъ и здоровъ, слава Богу, чего и вамъ отъ души желаю. Насчетъ военныхъ дѣлъ, гдѣ въ прошломъ году былъ бой подъ Л., на Быховской сопкѣ, былъ 17 сутокъ, теперь опять на томъ мѣстѣ идетъ бой, ну, и опять расколотили три корпуса начисто, опять сталъ отступать. Мы находились подъ Р., и намъ тоже угрожалъ, были готовы уходить безъ бою. Изъ города все вывезли, и дорогу одну линію сняли, а какъ разбили подъ Л., теперь опять все по старому, ходитъ машина, крестьянамъ приказано, чтобы въ работѣ не торопились, а какъ убирали прежде, такъ и сейчасъ, и клали въ сараи. Обозы всѣ уѣхали, почты пока нѣтъ. Батальонъ нашъ тоже ушелъ. Мучитъ нашъ врагъ, не смогши побороть духъ русскихъ воиновъ, прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ, запрещеннымъ закономъ. Мало того, какое нонче оружіе, имъ не хочетъ дѣйствовать, стрѣляетъ разрывными пулями, бросаетъ бомбы съ аэроплановъ, пускаетъ удушливые газы, которыми человѣкъ задыхается здоровый. Ну, противъ газовъ найденъ способъ. Будутъ биться до послѣдняго, разъ собрано отъ мала до велика, пока не разобьютъ ихъ. У непріятеля замыселъ наполеоновскій, а Россія тоже хочетъ доказать, какъ и прежде.

Четвертаго дня намъ приказано было уѣзжать подальше отъ позиціи, потому что наши отступали. Мы переѣхали верстъ пять, пообѣдали. Намъ пришло приказаніе другое—отъѣхать еще, такъ какъ непріятельскіе снаряды рвутся на виду. Какъ замѣтилъ я эти густые клубы дыма, сердце мое забилось, то дѣлается холодно, то бросаетъ въ жаръ. Вскорѣ мы поѣхали снова. По дорогамъ всякаго войска масса—и пѣхоты, и артиллеріи, и обозовъ. Одни идутъ на позиціи, другіе съ позиціи. Жители, наши и австрійцы, непрерывными обозами ѣдутъ и идутъ тутъ же въ ряду

съ войсками и везутъ на фурманкахъ свои домашнія вещи и гонятъ скотину. Мужчины правятъ конями своей повозки, женщины заботливо смотрятъ за дѣтьми, дѣвушки и мальчишки гонятъ свой скотъ, кто коровъ, кто свиней, а безлошадные идутъ пѣшкомъ, вещи и дѣтей несутъ у себя за горбомъ. Не уходить жителямъ нельзя, германецъ все бьетъ и жжетъ. День жаркій и вѣтеръ. Поднявшаяся пыль въ воздухѣ совершенно застилала впереди все, залѣпляла глаза и не давала дышать. Огромные гурты скота гонятъ по засѣяннымъ полямъ, устилая постелью уже налившуюся рожь и пшеницу ростомъ въ грудь человѣка. Всѣ люди цивильные и солдаты въ поту отъ жары, покрыты слоемъ пыли, похожи подъ цвѣтъ грунту, въ носу и въ роту страшная горечь, въ глаза надуло пыли, и не промигаешь. Сижу въ телѣжкѣ и не успѣю протирать свои глаза. Всю эту печальную картину горько было видѣть да пыль глотать. Ѣсть страшно захотѣлось, а хлѣба не было ни корки, нашелъ въ огородѣ луку и поѣлъ безъ хлѣба. Думаю себѣ,—теперь я всю горечь съѣлъ, горчѣе этого ужъ не приведи Богъ видѣть. Но я благодарю Господа Бога за то, что всѣ эти бѣдствія претерпѣваю только я одинъ, а семейство мое и дѣти живутъ спокойно, лишь скучая обо мнѣ. Да и нельзя не благодарить за это Бога, видя несчастныхъ здѣшнихъ жителей, перемѣшанныхъ съ пескомъ, лишившихся всего имущества, кромѣ унесеннаго съ собой—дѣтей, коровы, одной изъ нѣсколькихъ, и пары лошадей. Кромѣ того, золотая нива, пшеница и чудный ленъ, такихъ хлѣбовъ я мало видѣлъ, несозрѣвшая гибнетъ отъ скота, отъ огня и отъ косы при хозяйскомъ видѣ. Затѣмъ до свиданья, остаюсь живъ и здоровъ, того и вамъ желаю.

Война идетъ здорово, мириться скоро не будемъ. У насъ въ настоящее время очень жара. Хлѣбъ ужъ поспѣваетъ, черезъ недѣлю начинаютъ жать. Фрукты много всякаго, но только не придется пользоваться, потому по садамъ стоятъ обозы, лошади всѣ яблони погрызли.

Лѣвѣе города Р., въ гренадерскомъ корпусѣ, идетъ 4-ый день бой, орудія не смолкаютъ по цѣлому дню. Перваго іюля провели черезъ городъ Р. 500 человѣкъ плѣнныхъ австрійцевъ и германцевъ вмѣстѣ. Германцы очень молоденькіе, прямо мальчишки, на видъ не болѣе 17-ти лѣтъ. Бой и сейчасъ продолжается. Въ вос-

кресенье, 5-го, былъ бой прямо ужасти подобный, цѣлый день и всю ночь тяжелая артиллерія стрѣляла, ну, сейчасъ замолкли. Пожалуй, придется еще отступать, а отступать не охота, это все затягивается война на долгое время. Ну, что Господь пошлетъ. Время, видно, такое пришло.

Сейчасъ наши войска отступаютъ и отступаютъ. Черезъ посадъ Г., гдѣ мы сейчасъ находимся, проходятъ войска и обозы. По шоссе, на нѣсколько верстъ тянутся госпитальные обозы. Привозятъ тяжелыя и дальнобойныя орудія, которыя ставятъ въ окопахъ. Теперь стали часто появляться въ этихъ мѣстахъ германскіе и австрійскіе аеропланы, изъ которыхъ два подстрѣлили. Много бѣгутъ бѣженцы изъ тѣхъ мѣстовъ, гдѣ теперь находятся нѣмцы. Въ Г. до того много войска, что негдѣ прямо достать булокъ, папиросъ, табаку, сахару, несмотря на то, что въ Г. пять лавокъ.

Насчетъ военнаго дѣйствія дѣло наше трудное. 6-го іюля непріятель наперъ на нашу дивизію, ну, былъ отбитъ. Послѣ того, двинулся на гренадерскій корпусъ и ударилъ ихъ во флангъ, намъ велѣно было отступать. Нашъ взводъ былъ на запасной позиціи, укрѣпляли. Пошла это суматоха, все прикончили, пошли мы съ инженеромъ, былъ намъ назначенъ маршрутъ до такой-то деревни, и тамъ должно намъ ночевать, ну, ночевать грозила опасность. Инженеръ намъ сказалъ: ребята, какъ хотите, нужно намъ дойти до мѣстечка К. Если не дойдете, ночуйте на дорогѣ, а самое лучшее нужно вамъ дойти до К. Мы пошли въ ночь и шли всю ночь, измучились до того, что легли въ лѣсу на дорогѣ, два часа поспали и опять въ дорогу. Пришли въ К. въ 7 часовъ утра, а гдѣ намъ былъ даденъ маршрутъ ночевать, на утро тамъ заняли нѣмцы тоё деревню. Пришли мы въ К., инженеръ послалъ насъ въ свою часть. Ночь одну были свободны, спали, а утромъ отправили на переправу на Вислу, тамъ было по поводу войны построено два моста деревянныхъ, длиною $1^1/_2$ версты. Насъ два взвода заряжали эти мосты, приготовляли къ уборкѣ этихъ мостовъ, и день, и ночь ѣздили въ лодкахъ, развозили пучки хвороста, клали подъ устои и обливали керосиномъ, а обозы и войска безпрерывно переходятъ черезъ мосты. Когда перешли войска, послѣдняя кавалерія, тогда зажгли мостъ, частями взорвали, а большинство жгли. Навѣрно, милліоны они стоили. Ну, Господь

привелъ благополучно перебраться. Навѣрно, онъ не зналъ, въ какое время уйдутъ. Вечеромъ онъ по всему фронту шелъ въ атаку. Нашъ батальонъ пѣхотный шелъ въ контръ-атаку, а утромъ ушли совсѣмъ. Дожигали мы мостъ, почти намъ нечего было дѣлать, пустилъ три шрапнели, ну, далеко мимо моста. Что, какая причина, что мы опять ушли? Или газами сталъ душить, или всѣ силы напрягаетъ онъ на Россію.

О себѣ сообщаю я вамъ, въ настоящее время, по милости Божіей, пока еще живъ и здоровъ, слава Богу. Съ 24-го іюля и по 5-ое августа мы были въ самыхъ ожесточенныхъ бояхъ, въ это время была адская стрѣльба, и я остался послѣ всѣхъ этихъ сраженій цѣлъ и невредимъ, хотя нашъ полкъ и сильно очень пострадалъ отъ противника, но я живъ остался. Въ настоящее время мы находимся на передней позиціи, правѣе нѣсколько города Варшавы.

Для меня походы не трудны, и служба меня не тяготитъ. Я имѣю двѣ лошади, такъ что пѣшему ходить не приходится. Все время похода я ѣду на лошадяхъ, куда только нужно ѣхать, беру своихъ лошадей и отправляюсь въ путь. Обязанности мои—вожу снаряды. Отъ позиціи становимся не ближе 4—6 верстъ, такъ что жизни моей опасность не угрожаетъ. Благодарю Господа Бога, что не вижу той тягости, которую люди переживаютъ. Лошадки у меня хорошія и смирныя, и я ихъ за это люблю, и онѣ меня любятъ за мою ласку и хорошій обиходъ. Кормить я люблю и не лѣнюсь, хоть со временемъ бываетъ такъ—самъ голодный, а все прежде накормлю лошадей, потомъ ужъ самъ берусь за пищу.

Извиняюсь, что такъ долго не писалъ вамъ, а теперь отпишу, почему: съ 22-го іюля я и самъ не знаю, гдѣ нахожусь, все наступленіе да отступленіе. Погода у насъ очень сырая, каждый день дожди, да очень холодно, ходимъ, какъ мокрыя куры, и обсушиться негдѣ, приходится сушиться около жарниковъ, а сегодня былъ легкій морозъ, но всетаки еще терпимо, не знаю, что будетъ дальше, а впереди Господь, на него надѣюсь.

Вы пишете, взяли однихъ сынковъ, это хорошо, потому что у насъ вы остались тоже одни. Еще бы взять надо, а они чѣмъ счастливѣе насъ, мнѣ тоже столь надо, сколько и имъ. Пущай

они узнаютъ, что такое военна служба, а мы живемъ и нѣмца бьемъ. Дѣло у насъ идетъ, 17-го былъ сильный бой, лѣзъ германецъ, но тутъ его много положили, и онъ отступилъ. И мы стоимъ уже недѣлю все на одномъ мѣстѣ.

Вы пишете, что отступленіе арміи подѣйствовало на всѣхъ тяжело, оно вѣрно,—потеря Варшавы и Польши со всѣми ея крѣпостями, это картина жалостная, и что касается Галиціи,—но это потеря временная. Я, кажется, уже писалъ вамъ, что взглядъ военный на отступленіе, на потерю мѣстности и городовъ со всѣми его мирными жителями, далеко не таковъ, каковъ у мирныхъ, не имѣющихъ никакого общенія съ войной. Человѣкъ—или даже себя возьму, когда отстоитъ на нѣсколько сотъ верстъ и представляетъ себѣ тѣ ужасы войны, слезы и страданія жителей, индо содрогается. А здѣсь руководствуешься однимъ правиломъ войны—пораженіемъ врага.

Увѣдомляю васъ, стоимъ опять въ окопахъ на позиціи. Германецъ укрѣпился. Стоимъ въ 50-ти саженяхъ, и бьютъ орудія съ нашей и германской стороны. Ну, всетаки Германія ослабѣла, пускаетъ снаряды, да всетаки мало, а наши орудія работаютъ теперь безпрестанно.

ИЗЪ ПИСЕМЪ СЪ КАВКАЗА.

Ученіе мы кончили. Насъ угоняютъ на Кавказъ, къ турку. Одежу мы получили всю казенну. И всю принадлежность: лопатку, котелокъ, башлыкъ, теплую рубаху, ватныя шаровары. Ученье мнѣ далось, слава Богу, хорошо знаю солдатскую службу. На первой недѣлѣ мы говѣли и приняли присягу.

Изъ К. мы выѣхали 14 февраля. Ѣхали мы по желѣзной дорогѣ трое сутокъ до Царицына, видѣли снѣгъ на поляхъ, какъ проѣхали Царицынъ, то снѣгу не стало ничего. Ѣхали мы вдоль Каспійскаго моря до города Баки. Баку какъ только мы проѣхали до Тифлису, тамъ трава зеленая, и фруктовыя деревья цвѣтутъ. За Тифлисъ мы заѣхали, то стали однѣ горы каменныя, а на горахъ каменныхъ растутъ деревья фруктовыя. И ѣхали мы двое сутокъ одними горами. И проѣхали 10 тунелей подземныхъ. Пріѣхали мы въ городъ Еривань, перегнали насъ въ село, отъ городу

7 верстъ, недалеко отъ турецкой границы. И недалеко отъ насъ гора Араратъ. Гора такъ высока, что въ красный день только видно ея вершину. И облака ниже горы. И все время снѣгъ на горѣ. Пріѣхали мы въ городъ Еривань 1-го марта, всего на машинѣ мы ѣхали 14 сутокъ до городу Еривану. И выбрали насъ въ дружину, и скоро насъ выгонятъ изъ села неизвѣстно куда. А съ туркомъ война идетъ хорошо, наши герои поражаютъ турковъ.

Нашъ эшалонъ весь разбили по частямъ—въ Саракамышъ, въ Карсъ, въ Баку. А мы въ уѣздномъ городѣ въ Михайловѣ, рядомъ со станціей, за Тифлисомъ 200 верстъ, дорога на Батумъ. У насъ въ городѣ тепло, трава зеленая, растенія цвѣтутъ, пашню кончили, только пахотной земли очень мало, однѣ горы. И дикари. Народу русскаго нѣту, кромѣ солдатъ. Грузины, армяне разныхъ поколѣній.

У насъ сейчасъ пошли сильные жары, дождей не было десять дней, а то все время были дожди, каждый день. Винограды у грузинъ очень хороши, а кукурузы совсѣмъ нѣту, замокла отъ дождей. Дожди такъ были сильны, что скотина не могла терпѣть, забивало дождемъ. На нашей сторонѣ народъ, навѣрно, нерадостный, а у насъ на Кавказѣ грузины даже не подумаютъ, что такое кровопролитіе идетъ, они все время веселятся и разныя музыки играютъ, даже не подумаютъ, что идетъ-ли война. Война на турецкомъ фронтѣ идетъ хорошо, наши герои турковъ жмутъ и забрали у турокъ много городовъ. Навѣрно, и намъ придется воевать съ туркомъ.

Могу васъ увѣдомить, что мы записались на позиціи десять человѣкъ, надоѣло намъ на этомъ островѣ жить, гдѣ только однихъ армяшекъ, больше никого не увидишь. То туда, то назадъ поѣзда идутъ. Раненыхъ много везутъ. Сюда къ намъ масса прибыла бѣженцевъ армянъ изъ Турціи, изъ деревень, которыя турокъ разбилъ. Сюда прибыла партія—двое мужчинъ и восемь женщинъ н нѣсколько дѣтей, изъ большого населенія десять человѣкъ, остальныхъ турокъ всѣхъ перекололъ.

Пища у насъ очень хорошая. Мяса выдаютъ фунтъ, хлѣбъ бѣлый, чернаго хлѣба у насъ купить не найдешь. Все у насъ

подорожало, купить все стало дорого. На турецкомъ фронтѣ война идетъ у насъ успѣшно.

Время стоитъ теплое и дни ясные, ходимъ мы въ гимнастическихъ рубашкахъ. Снѣгу у насъ пока нѣтъ, что только на горахъ высокихъ. Я проживаю здѣсь 8 мѣсяцевъ и удивляюсь, что за народъ грузины, идутъ они на базаръ, несутъ продавать поросятъ и ягнятъ, перевѣситъ два мѣшка черезъ плечо, въ одномъ мѣшкѣ ягненокъ, а въ другомъ поросенокъ, а куръ навяжетъ на веревочку и несетъ продавать ихъ. Куръ они продаютъ по рублю за курицу. Ягодъ было много въ нынѣщнемъ году, но ягоды были дорогія, потому что они ихъ поѣли зеленыя, виноградъ былъ съ весны хорошій, а потомъ весь посохъ, винограду мало продавали, виноградъ 15 копѣекъ за фунтъ. Вино виноградное съ весны было дешевое—15 копѣекъ за бутылку, а теперь 50 копѣекъ. Все подорожало, а деньги крупныя никакъ не размѣняешь, серебра и мѣди вовсе мало. На турецкомъ фронтѣ идутъ только перестрѣлки, сильныхъ боевъ нѣту. Для нашихъ благопріятно.

Дорогіе родители. Я нахожусь все время въ своей ротѣ, хотя я и боленъ былъ, но никуда не ходилъ, потому что я въ это время былъ на позиціи, итти было некуда, а теперь я, слава Богу, живъ и здоровъ, обратно—желаю итти на врага, чтобы скорѣе кончить эту ужасную войну. Ужъ надоѣло таскаться по крутымъ горамъ. Дорогіе родители, объясняю я вамъ въ томъ, что на нашемъ фронтѣ идетъ наступленіе на турка, ну, мы пока стоимъ на припасѣ, въ резервѣ, случай какая неустойка, то и мы готовы итти въ бой. Ну, ужъ, навѣрно, скоро разобьемъ турка въ прахъ, ужъ окружили его кругомъ, и онъ вездѣ сдается, скоро мы пойдемъ въ Резерюмъ, турецкій городъ, и Константинополь скоро будетъ нашъ.

ИЗЪ СИБИРИ.

Машиной ѣхали мы 29 сутокъ, переѣхали мы уральскія горы и переѣхали Байкальскія горы и вокругъ озера Байкалъ, проѣхали 52 подземныхъ тунеля. Сквозь отъ уральскихъ горъ и дальше идутъ горы и скалы, очень мало ровныхъ мѣстъ, а сквозь лѣса, непроходимая тайга, лѣсъ чернолѣсье и сосновый, и кедровый. Кедровыя деревья чудныя по 8—9 саженъ вышиной и въ обхватѣ и 2 толщиной, однимъ словомъ описать всего невозможно.

Вся наша дружина находится въ Приморской области. Мѣстность ужасно гористая, населеніе китайцы, монголы и переселенцы малороссы и ссыльные, однимъ словомъ, всевозможные народы. Мѣстность богатая рыбой, птицей и звѣрями. Что касается продуктовъ и матеріи, мѣха можно считать даже дороже россійскихъ, рыба дешевле. Населеніе очень рѣдкое, кругомъ вездѣ горы и каменистыя скалы, есть маленькія площадки равнины, но грунтъ глинистый, земледѣліе развито мало и плохо, такъ что интереснаго по хозяйству посмотрѣть негдѣ. Мы охраняемъ плѣнныхъ, которыхъ у насъ масса. Австрійцы и германцы и еще ожидаемъ турокъ. По слухамъ, 7000 человѣкъ.

Первый день Святой Пасхи проводилъ я очень спокойно, сходилъ въ церковь, помолился Богу. Придя изъ церкви домой, то-есть въ казарму, разговѣлись, чѣмъ Господь послалъ, потомъ легъ, отдохнулъ, всталъ, попилъ чаю, немного почиталъ и что-то стало грустно, вышелъ я на крыльцо и думаю: что дѣлается теперь у меня на родинѣ, закипѣло мое сердце, и ничто мнѣ стало не мило. А что можетъ быть и милаго въ такой мѣстности, гдѣ мы теперь? Кругомъ горы стоятъ, какъ великаны и спятъ непробуднымъ сномъ, хотя и есть на нихъ живое существо, но оно тоже спитъ подъ покровомъ снѣга. А дальше пришла мнѣ мысль въ голову—Боже мой, Боже мой, что теперь творится на полѣ брани, что дѣлается съ нашей братіей! Снялъ я шапку и перекрестился и мысленно сказалъ: Христосъ Воскресе, дорогіе мои братіе, которые живы, и Вѣчный Покой, которые сложили свои головы на полѣ брани. И пробѣжалъ морозъ по моему тѣлу, я прослезился и пошелъ, погулялъ вокругъ казармы, а когда обдуло меня вѣтромъ, я вошелъ въ казарму. Въ казармѣ шумъ, говоръ, есть и лишнія выраженія, что мнѣ показалось неумѣстнымъ въ такой великій день. Какой радостный этотъ день для насъ, православныхъ, а нонче онъ былъ печаленъ. Но я не долженъ этого говорить, потому что я христіанинъ, а наша Святая Церковь говоритъ—да радуется всякая тварь. Какъ же я могу говорить, что было печально. Я говорю не объ праздникѣ, я говорю за друзей своихъ, которые въ такой Великій и Свѣтлый Праздникъ были на полѣ битвы, думаю, не легко было провести такой радостный праздникъ и тѣмъ отцамъ и матерямъ, женамъ и дѣтямъ, у которыхъ взяты дѣти, мужья и отцы, да, вѣрно, Его Святая Воля. Но

я думаю, что скоро или поздно настанетъ тотъ часъ, что ликуетъ вся наша Россія.

Теперь я опишу вамъ посѣвы сибирскихъ странъ. Сѣютъ здѣсь пшеницу, овесъ, картофель и капусту, урожай бываетъ здѣсь очень хорошій, какъ говорятъ мѣстные жители, но два года урожай очень плохой, такъ что прошлый годъ были сильные ливни, потопило всѣ посѣвы, а позапрошлый годъ былъ недородъ, такъ что, если только нынче будетъ недородъ, то бѣда будетъ страшная. Да притомъ здѣсь хлѣбъ, какъ пшеница, такъ и овесъ, родится пьяный, а какъ только родился пьяный хлѣбъ, то и пропали всѣ земледѣльцы. Я самъ очевидецъ пьянаго хлѣба, какъ овса и пшеницы. На видъ чудный овесъ или же пшеница, но давали свиньямъ, и тѣ не ѣдятъ, а что касается другого скота, то и не подходитъ, помираетъ съ голоду, но ни почемъ не ѣстъ. Бываютъ такіе хлѣба каждый годъ, только мѣстами, не на одномъ мѣстѣ, а почему происходитъ такой хлѣбъ, мнѣ объяснить никто не могъ. А что касается картошки и капусты, родится хорошо. Этими посѣвами занимаются больще корейцы. Да хотя и здоровый родится хлѣбъ, а частичка попадаетъ пьянаго, въ виду этого никакъ нельзя ѣсть мягкій хлѣбъ, тутъ же чувствуешь головную боль.

Увѣдомляю я васъ, что весна у насъ очень дождливая, такъ что почти каждый день дожди, грязь непролазная, грунтъ земли до того клейкій, что невозможно ходить. Сегодня я ходилъ гулять по полямъ, оказалось, что всѣ крестьяне до сего времени ничего не сѣяли, такъ что никогда, говорятъ, такой весны не было, всегда кончали сѣвъ овса и пшеницы 20-го мая, а нонче вотъ 24-ое мая, а поля не паханы, и, дѣйствительно, пахать никакъ нельзя, всѣ земли илистый суглинокъ, такъ что когда идешь полемъ, то ноги вязнутъ на 1¹/₂—2 вершка. Я хотѣлъ посмотрѣть что нибудь новое относительно обработки полей, оказалось что новаго ничего нѣтъ, народъ все дикарь какой-то, ничего не знаютъ, такъ что новаго ничего нѣтъ. Живемъ мы пока все по старому спокойно, охраняемъ плѣнныхъ, я теперь къ дѣлу привыкъ, слава Богу.

Всѣ мной довольны, все начальство относится ко мнѣ очень хорошо, опричь спасиба ничего не слышу. И всѣ мѣстные жители,

хотя мѣстные жители здѣсь природные ссыльные, у которыхъ сердца не человѣческія, а звѣрскія, и тѣ ко мнѣ относятся хорошо, а что касается китайцевъ, это народъ трусъ, но злопамятный, но я пока сумѣлъ завоевать всѣхъ, какъ русскихъ, такъ и китайцевъ. Еще увѣдомляю я васъ, что у насъ здѣсь урожай очень плохой, до сего времени овсы стоятъ не убраны и много зеленыхъ, которые, вѣроятно, и не поспѣютъ, потому что сѣяли очень поздно, весной были ежедневно дожди, и весь май и іюнь до половины іюля почти каждый день были дожди, такъ что во все лѣто у насъ непролазная грязь, теперь немного подсохло, но ужасно сырая погода, всегда дуетъ сырой вѣтеръ, такъ что, вѣроятно, овсы останутся неубратыми, а что касается пшеницы, то совершенно пустая, нѣтъ ни одного зерна. На всѣ продукты цѣны поднялись баснословно.

Въ сапожной мастерской, которой я завѣдую, работаютъ 18 человѣкъ австрійцевъ и турокъ. Всѣхъ плѣнныхъ, гдѣ я живу, 1162 человѣка, которымъ и выдаю все—какъ хлѣбъ, бѣлье и обмундированіе, и обувь. Плѣнные у насъ австро-венгры, турки, армяне, арабы и курды. Живется пока, слава Богу, ничего, только очень скучно, потому что мы кругомъ огорожены заборомъ вплотную вышиной въ $5^1/_2$ аршинъ вышины, въ такомъ загороженномъ дворѣ мы и живемъ, какъ заключенные, никого и ничего мы не видимъ, за исключеньемъ плѣнныхъ. Новостей у насъ никакихъ нѣтъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПЛѢНА.

1914 года, сентября 20-го дня, Венгрія. Письмо дорогимъ моимъ родителямъ отъ сына ващего Ивана Ивановича. Кланяюсь я вамъ, дорогіе родители тятенька и маменька, унижающее почтеніе и съ любовью низкій поклонъ. И желаю я вамъ отъ Господа Бога добра здравія и всякаго благополучія. Еще дорогой тятенька, я вамъ извѣщаю, что я раненъ въ руку лѣвую пулей, прошибло 4 пальца. 24-го августа раненъ и взятъ въ плѣнъ подъ Люблинымъ. Сейчасъ лежу въ лазаретѣ, рука моя подживаетъ. Еще, маменька, я больно хворалъ, 10 денъ ничего не ѣлъ, думалъ помру, теперь выздоравливаю. Много горя я видѣлъ, 9 разъ былъ въ бояхъ, денегъ нѣтъ у меня, ни копейки нѣтъ, здѣсь жалованья не даютъ намъ. Иленька, пришли мнѣ хоть два рубля де-

негъ, я тебѣ заплачу. Еще пропишите мнѣ, тятенька, гдѣ братъ Леска, живъ или нѣтъ, и зять Иванъ, пропишите все подробно, что у васъ новаго и кого угнали на войну и забрили новыхъ молодыхъ рекрутовъ. Пожалуйста, какъ можно поскорѣе. Нахожусь въ Венгріи, въ городѣ Естергомѣ, въ семинаріи. Пишите правильно, чтобы написалъ Мишка нашъ. Что у васъ слышно про войну, скоро замиренье будетъ или нѣтъ? Вашъ сынъ Иванъ К.

Здраствуйте, дорогіе родители, отъ сына вашего Степана Андреевича, прошу я у васъ миръ-родительское благословеніе, которое можетъ существовать по гробъ нашей жизни. Нахожусь я въ плѣну въ Австріи. Нахожусь раненый, оторвало палецъ. Пришлите денегъ. Адресъ по нѣмецки. С. З.

Ваше письмо получилъ, пишите чаще. Посылки присылайте чаще—сухарей ржаныхъ и денегъ. Жду вашихъ денегъ и посылокъ. Германія, Минденъ, лагерь военноплѣнныхъ.

Здраствуйте, дорогіе мои сроднички, батюшка Егоръ Ильичъ и матушка Анна Семеновна и всему вашему семейству шлю вамъ вообще по низкому поклону. Дорогіе сроднички, посылку я вашу получилъ на другой день Рождества Христова и очень былъ радъ, и очень вамъ благодаренъ, дорогіе сроднички, я прошу васъ, чтобы вы слали мнѣ черныхъ сухарей какъ можно чаще, раза три въ мѣсяцъ, и табачку. Затѣмъ до свиданья, остаюсь живъ, того и вамъ желаю. Нѣмецкое 12 число, а наше 29-ое. Саксонія. Кенигсбрюкъ.

(Написано по нѣмецки). Дорогой отецъ. Я здоровъ и нахожусь въ Венгріи военноплѣннымъ. Мнѣ не плохо. Со мною вмѣстѣ былъ взятъ въ плѣнъ Тимофей Р. Онъ здоровъ. Военноплѣнный С. А.

Увѣдомляю васъ, мои дорогіе, что я, по милости Божіей, живъ и здоровъ, находясь въ плѣну въ Австріи, попалъ 27-го апрѣля. Настоящее письмо пишу четвертое, но отъ васъ не получалъ. Письмо пишите на открыткѣ и пошлите 10 рублей денегъ, больно нуждаюсь. Живу безъ копейки. До свиданья. Дорогимъ дѣткамъ мое благословеніе. 30 сентября 1915. Городъ Кнительфельдъ. Австрія.

Письмо на родину. Дорогому моему семейству шлю низкій поклонъ, и всѣмъ роднымъ и знакомымъ отъ меня почтеніе. Увѣдомляю васъ, что я изъ дому получилъ письмо 3 ноября, за что благодарю, только остался однимъ недоволенъ. Вы пишете, въ чемъ я не нуждаюсь-ли. Я жду съ нетерпѣньемъ денегъ и посылку, а вы еще только меня спрашиваете. Сами знаете, гдѣ я, и сами должны знать мою нужду. Не знай, такъ скоро забыли меня, и я, видно, брошенъ на произволъ судьбы. Письма пишите чаще и пишите, что дѣлается дома, и посылки посылайте почаще, шлите сухарей и денегъ рубля по 4 посылайте на каждый мѣсяцъ.

Дорогіе мои родные, проздравляю васъ съ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ Новымъ Годомъ и желаю оные провести по христіански въ чести и въ радости. Хочу посовѣтоваться съ тобой, родитель, объ вашемъ домашнемъ житьѣ. Если Романа не возьмутъ на военную службу, то лошадей не продавай ни одну, а найми земли больше, гдѣ тебѣ покажется удобнѣе. И еще я вамъ хочу поговорить, вы, видно, плохо обо мнѣ заботитесь, до сего времени я не получилъ отъ васъ ни перевода, ни посылки, ни второго письма, какъ мои товарищи всѣ получили, и имъ идутъ посылки и деньги, а ты, дорогая супруга, обо мнѣ, видно, заботишься плохо, видно, теперь открылась тайна нашей супружеской жизни, видно, ты не знаещь, гдѣ я нахожусь.

Здраствуй, многоуважаемое мое семейство, а особенно многолюбящія мои дѣтки, шлю вамъ изъ далекой Австріи свое родительское благословеніе, которое можетъ существовать по гробъ нашей жизни, и несчетно разъ цѣлую васъ, и уже не вѣрится, что придется увидать васъ. Особенно писать нечего. Одно меня безпокоитъ, что я, видно, совсѣмъ забытъ вами, не знаю только, за что это. Вы пишете, что мое письмо дошло первое и видно, оно нисколько не поколебало ваши окаменѣлыя сердца. Всѣ мои товарищи уже получили по второму письму и ждутъ въ настоящее время въ скоромъ времени денегъ и посылокъ, а вы, видно, съ ними вмѣстѣ сочли за расчетъ написать мнѣ второе письмо, нетоли послать съ ними вмѣстѣ денегъ и посылку. Видно, вамъ живется хорошо, но при хорошемъ житьѣ, совѣтую думать и о томъ, кому живется хуже вашего. До свиданья. Остаюсь живъ и здоровъ, и еще напоминаю, не забывайте о томъ.

Дорогое мое семейство, увѣдомляю васъ, что получилъ изъ дому второе письмо 22-го декабря, въ которомъ вы пишете, что послали мнѣ посылку и 3 рубля денегъ, за что сердечно благодарю. Но только денегъ очень мало, шлите больше, и щлите чаще посылки, а пуще всего еще письма и прописывайте, что дѣлается въ дому. Не пищите поклоновъ, а пищите, что дѣлается въ дому. Може, Господь смилуется надъ нами, грѣшными, може, и вернусь на родину. До свиданья. Очень скучился объ ребятахъ, уже и не вѣрится, что придется ихъ увидать. 31 декабря 1915 года. В. Н. Австрія, городъ Кнительфельдъ, лагерь военноплѣнныхъ.

Цѣна 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія:
Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе"
Петроградъ, Поварской переулокъ, д. № 2, кв. 9-10.

Казань. Тип. „Умидъ" б. Харитонова 1917.